

Публий Овидий Назон
НАУКА ЛЮБВИ

Перевод М.Л. Гаспарова

Книга первая

Кто из моих земляков не учился любовной науке,
Тот мою книгу прочти и, научась, полюби.

Знание ведет корабли, направляя и весла и парус,
Знание правит коней, знанию покорен Амур.

5 Автомедонт¹ направлял колесницу послушной вожжою,
Тифий стоял у руля на гемонийской корме, —
Я же Венерой самой поставлен над нежным Амуром,
Я при Амуре моем — Тифий и Автомедонт.

Дик младенец Амур, и нрав у него непокладист,

10 Все же младенец — и он, ждущий умелой руки.

Звоном лирной струны сын Филиры² утишил Ахилла,
Дикий нрав укротив мирным искусством своим:

Тот, кто был страшен врагу, кто был страшен порою и другу,
Сам, страшась, предстоял перед седым стариком;

15 Тот, чья мощная длань сулила для Гектора гибель,
Сам ее подставлял под наказующий жезл.

Словно Хирону — Пелид, Амур доверен поэту:

Так же богиней рожден, так же душою строптив.

Что ж, ведь и пахотный бык ярмо принимает на шею,

20 И благородный скакун зубом грызет удила, —

Так и Амур покоряется мне, хоть и жгут мое сердце

Стрелы, с его тетивы прямо летящие в грудь.

Пусть! Чем острее стрела, чем пламенной жгучая рана,

Тем за стрелу и огонь будет обдуманной месть.

25 Лгать не хочу и не буду: наука моя не от Феба,

Не возвещает ее грающий птичий полет,

Не выходили ко мне, пастуху Аскрейской долины,

Клио и восемь сестер³, вещей ведя хоровод;

Опыт меня научил — внимлите же опытной песне!

30 Истина — вот мой предмет; благослови нас, Любовь!

Прочь от этих стихов, целомудренно-узкие ленты⁴.

Прочь, расшитый подол, спущенный ниже колен!

О безопасной любви я пишу, о дозволенном блюде,

Нет за мною вины и преступления нет.

35 Первое дело твое, новобранец Венериной рати,
Встретить желанный предмет, выбрать, кого полюбить.

Дело второе — добиться любви у той, кого выбрал;

Третье — надолго сумеешь эту любовь уберечь.

¹ Автомедонт — возница Ахилла.

² Сын Филиры — кентавр Хирон.

³ Клио и восемь сестер. — Гесиод рассказывает о том, как девять Муз посвятили его в поэты, во вступлении в «Феогонию».

⁴ Ленты, сдерживавшие прическу, и расшитый подол столы (женского верхнего платья) — знак свободнорожденных женщин, законных жен. На эту оговорку Овидий ссылается в «Скорбных элегиях», II, 247—250.

Вот уроки мои, вот нашего поприща меты —
40 К ним колесницу помчу, быстро пустив колесо.

Стало быть, прежде всего, пока все дороги открыты,
Выбери — с кем из девиц заговорить о любви?
С неба она к тебе не слетит дуновением ветра —
Чтобы красивую взять, нужно искать и искать.

45 Знает хороший ловец, где сети раскинуть на ланей,
Знает, в какой из ложбин шумный скрывается вепрь;
Знает кусты птицелов, и знает привычный удильщик
Омуты, где под водой стаями рыбы скользят;
Так и ты, искатель любви, сначала дознайся,

50 Где у тебя на пути больше девичьих добыч.
Я не заставлю тебя широкий раскидывать парус,
Незачем плавать тебе в самую дальнюю даль,
Хоть и Персею пришлось жену добывать у индусов,
И от Лаконской земли в Трою Елена плыла.

55 Столько в столице девиц, и такие в столице девицы,
Что уж не целый ли мир в Риме сошелся одним?

Жатв на Гаргарской горе, гроздей виноградных в Метимне⁵,
Рыб в пучине морской, птиц под покровом листвы.
Звезд ночных несчислимой красавицы в нынешнем Риме —

60 Уж не Энея ли мать трон свой поставила здесь?
Если молоденьких ты и едва подрастающих любишь —
Вот у тебя на глазах девочка в первом цвету;
Если покрепче нужна — и покрепче есть сотни и сотни,
Все напоказ хороши, только умей выбирать;

65 Если же ближе тебе красота умелых и зрелых,
То и таких ты найдешь полную меру на вкус.

Ты лишь пройдишь, не спеша, под Помпеевой свежей тенью⁶
В дни, когда солнце стоит над Геркулесовым Львом,
Или же там, где щедротами мать померялась с сыном,

70 Мрамором из-за морей пышно украсив чертог⁷.
Не обойди колоннад, мановением Ливии вставших⁸,
Где привлекают глаза краски старинных картин, —
Там пятьдесят Данаид готовят погибель на братьев,
И с обнаженным мечом грозный над ними отец.

75 Не пропусти священного дня сирийских евреев
Или Венериных слез в день, как погиб Адонис;
Не позабудь и мемфисской телицы в льняном одеянье —
Зевса познавши любовь, учит любви она дев⁹.

Судная площадь — и та не запретное место Амуру:

80 В шуме толпы площадной часто вскипает любовь.
Там, где мраморный ряд колонн Венерина храма¹⁰,

⁵ Гаргарская гора — в Малой Азии; как плодородное место она упомянута в «Георгиках» Вергилия; Метимна славилась своим вином.

⁶ Помпеева тень — портик при театре, построенном в Риме Помпеем. Солнце в созвездии Льва стоит в июле.

⁷ Чертог — портик Октавии при театре Марцелла (сына Октавии, племянника Августа).

⁸ Колоннады — портик Ливии (жены Августа) при палатинском храме Аполлона.

⁹ Перечисляются восточные праздники, отмечавшиеся в Риме любителями: еврейская суббота, сирийский (перешедший и в Грецию) праздник Адониса, египетский праздник Исиды.

А перед ним в небеса бьет водомет Аппиад,
Там не однажды любовь уязвляла блюстителей права,
И охранявший других сам охраниться не мог.
85 Там не однажды немел и самый искусный вития,
Не за других говоря, а за себя самого.
И, потешаясь, глядела Венера из ближнего храма,
Как защищавший других стал беззащитен пред ней.

Но полукруглый театр — еще того лучшее место:
90 Здесь для охоты твоей больше найдется добыч.
Здесь по себе ты отыщешь любовь и отыщешь забаву —
Чтобы развлечься на раз или увлечься всерьез.
Как муравьи вереницей спешат туда и обратно,
Зерна держа в челюстях, пищу привычную впрок,
95 Или как пчелы летят по своим облюбованным рощам
И по душистым лугам вскользь от цветка и к цветку,
Модные женщины так на модные зрелища рвутся:
Толпы красавиц текут, в лицах теряется глаз.
Все хотят посмотреть и хотят, чтоб на них посмотрели, —
100 Вот где находит конец женский и девичий стыд.
Ромул, это ведь ты был первым смутителем зрелищ,
Рати своей холостой милых сабинянок дав!

Не нависали тогда покрывала над мраморным склоном¹¹,
А на подмостки внизу рыжий не брызгал шафран, —
105 Сценою был безыскусный развал наломанных сучьев
И густолистных ветвей из палатинских дубрав,
А для народа кругом тянулись дерновые скамьи,
И заслоняла листва зной от косматых голов.
Каждый глазами себе выбирает желанную деву,
110 Каждый в сердце своем страстью безмолвной кипит.
Вот неумелый напев из этрусской дуды вылетает,
Вот пускается в пляс, трижды притопнув, плясун, —
И под ликующий плеск еще неискusstных ладоней
Юношам царь подает знак к похищению жен.
115 Все срываются с мест, нетерпенье криками выдав,
Каждый добычу свою жадной хватает рукой.
Словно голубки от клюва орла летят врассыпную,
Словно овечка бежит, хищных завидя волков,
Так под напором мужчин задрожали сабинские девы:
120 Схлынул румянец с лица, трепет объемлет тела.
Страх одинаков во всех, но у каждой по-своему виден:
Эта волосы рвет, эта упала без сил,
Эта в слезах, но молчит, эта мать призывает, но тщетно,
Эта нема, эта в крик, та цепенеет, та в бег.
125 Вот их ведут чередой, добычу любовного ложа,
И от испуга в лице многие даже милей.
Если иная из них отбивалась от властного друга —
Он на руках ее нес, к жаркому сердцу прижав,
Он говорил: «Не порти очей проливными слезами!
130 Чем для отца твоя мать, будешь и ты для меня».
Ромул, ты для бойцов наилучшую добыл награду;
Дай такую и мне — тотчас пойду воевать!
Как же тут не сказать, что красоткам опасны театры
С тех знаменитых времен и до сегодняшних пор?
135 Небесполезны тебе и бега скакунов благородных —

¹⁰ Венерин храм — храм Венеры Прародительницы на форуме Юлия (форум был обычным местом судебных разбирательств), перед которым был устроен «Аппиев фонтан», украшенный статуями нимф.

¹¹ Покрывала натягивались над театрами для защиты от солнца.

В емком цирке Амур много находит удобств.
Здесь не придется тебе разговаривать знаками пальцев
И не придется ловить тайные взгляды в ответ.
Здесь ты хоть рядом садись, и никто тебе слова не скажет,
140 Здесь ты хоть боком прижмись — не удивится никто.
Как хорошо, что сиденья узки, что нельзя не тесниться,

Что позволяет закон трогать красавиц, теснясь!
Здесь-то и надо искать зацепки для вкрадчивой речи,
И ничего, коли в ней пошлыми будут слова:
145 Чьи это кони, спроси у соседки с притворным вниманьем;
Ежели хлопнет коню, хлопай за нею и сам;

А как потянутся лики богов¹² и меж ними Венера —
Хлопай и рук не щади, славя свою госпожу.
Если девице на грудь нечаянно сядет пылинка —
150 Эту пылинку с нее бережным пальцем стряхни.
Если пылинки и нет — все равно ты стряхни ее нежно,
Ведь для заботы такой всяческий повод хорош.
Если до самой земли у красотки скользнет покрывало —
Ты подхвати его край, чтоб не запачкала пыль:

155 Будешь вознагражден — увидишь милые ножки,
И ни за что упрекнуть дева не сможет тебя.

Кроме того, последи, чтоб никто из заднего ряда
В спину ее не толкал грубым коленом своим.

Мелочь милее всего! Как часто полезно подушку

160 Под локоток подложить для утомленной руки
Или же, веер раскрыв, на соседку повеять прохладой,
Или поставить к ногам вогнутый валик скамьи.

Благоприятен и цирк началу любовных подходов —

Благоприятен и шум возле песчаных арен¹³.

165 Здесь над кровавым песком воюет и отрок Венеры —
Метко он ранит сердца тем, кто на раны глядит.

Заговорить, коснуться руки, попросить объявление,
Спор предложить об заклад, кто из бойцов победит, —
Тут и почувствуешь ты, как трепещет стрела в твоём сердце,

170 Тут-то из зрителя сам станешь участником игр.

А вспоминать ли о том, как Цезарь явил нам морскую

Битву персидских судов и кекропийских судов¹⁴,

Как от закатных морей до восточных морей собирались

Юноши с девами в Рим, разом вместивший весь мир?

175 Кто в подобной толпе не нашел бы предмета желаний?

Многих, многих, увы, пришлый измучил Амур.

Ныне же Цезарь ведет полки на окраины мира,

Ныне и дальний ему будет покорен Восток!¹⁵

Жди расплаты, парфянин! Ликуйте, павшие с Крассом!

180 Снимется с римских орлов варварской власти позор.

¹² ...потянутся лики богов... — Цирковые зрелища открывались торжественной процессией, направлявшейся с Капитолия, которая обходила цирк, неся на носилках и в колесницах изваяния богов.

¹³ Песчаные арены — в амфитеатрах, где устраивались бои гладиаторов.

¹⁴ Морская битва между флотилиями, изображавшими корабли персов и афинян (кекропийские), была устроена Августом 12 мая 2 г. до н. э. на играх в честь открытия храма Марса Мстителя.

¹⁵ Цезарь — здесь приемный сын Августа Гай Цезарь, двадцатилетний юноша, в 1 г. до н. э. назначенный командовать в начинавшейся войне против парфян, прославлявшейся как месть за поражение Красса в 53 г. до н. э., когда орлы, служившие знаменами римским легионам, достались в добычу парфянам. Военные действия не развернулись, и через два года война была закончена мирными переговорами.

Мститель грядет, с юных пор обещающий быть полководцем,
 Мальчик правит войну — долг не мальчишеских лет.
 Робкие души, божественных лет не считайте по пальцам —
 В Цезарях доблесть цветет раньше расцветной поры.
185 Дар небесный в душе пробуждаться умеет до срока,
 И не преграда ему — лень медлительных лет.
 Новорожденный тиринфский герой, двух змей удушая,
 И в колыбели своей сыном Юпитера был;
 Вах и поныне юнец — каким же юнцом он когда-то
190 Индию в страхе поверг под побеждающий тирс?
 Годы и счастье отца в твоём начинании, отрок,
 Годы и счастье отца будут в победе твоей.
 Имя такое нося, ты не можешь начать по-иному:
 Ныне ты юношам вождь, будешь и старцам вождем.
195 Братья есть у тебя — отомсти же за братние раны,
 Есть отец у тебя — отчее право блюди.
 Твой и отчизны отец тебе доверяет оружие —
 Твой и отечества враг вырвал свой трон у отца¹⁶:
 Копья сыновней любви против стрел преступных нечестий
200 В бой Справедливость ведет, Верности знамя подняв.
 Гибельно дело парфян — да будет им гибельна битва!
 Пусть заревою страной вождь мой порадует Рим!
 Марс-отец и Цезарь-отец, благодатствуйте сыну!
 Оба вы боги для нас — сущий и будущий бог.
205 Я предрекаю, победа близка, и об этой победе
 Петь мне обетную песнь в громкую славу твою!
 Встав пред полками, полки ты моими приветишь словами —
 Только бы эти слова были достойны тебя!
 Груды римских мужей воспою и парфянские спины
210 И с обращенных коней стрелы, разящие вспять.
 (Ты, побеждая, бежишь — что же делать, терпя поражение?)
 Знак недобрый дает Марс для лукавых парфян!¹⁷
 Стало быть, будет и день, когда в золотом одеянье
 На белоснежных конях в лучший ты двинешься путь,
215 А пред тобой поведут вождей с цепями на шеях,
 Чтобы привычный побег их, побежденных, не спас.
 Будут на это смотреть молодые мужчины и жены,
 Всем растопит сердца этот блаженнейший день.
 Спросит иная из них, каких государей проводят,
220 Спросит, какие несут образы рек или гор, —
 Тотчас на всё отвечай, отвечай, не дождавшись вопроса;
 Если не знаешь и сам, то говори все равно.
 Вот, скажи, в камышовом венке Евфрат полноводный,
 Вот, предположим, и Тигр в гриве лазурных волос;
225 Это армянская рать, это персы, потомки Данаи¹⁸,
 Этот город стоял в ахеменидской земле¹⁹,
 Это вождь, а это другой, а зовут его так-то.
 Можешь — так правду скажи, нет — сочини поскладней.
 Званный обед — тоже славная вещь для любовных подходов,

¹⁶ Враг — парфянский царь Фраат IV, который (по крайней мере, так верили римляне) захватил царскую власть, убив своего отца.

¹⁷ Вошедший в пословицу боевой прием парфян — обращаться в притворное бегство, отстреливаясь из луков.

¹⁸ Персы, потомки Данаи. — По ложной этимологии персы считались потомками Персея, сына Данаи.

¹⁹ Ахемениды — династия персидских царей VI—IV вв. до н. э.

230 И не единым вином он привлекает мужчин.
Часто и здесь, за рога ухватив, охмеленного Вакха
Нежной своею рукой клонит багряный Амур.
Брызги вина увлажняют пернатые крылья Амура —
И остается летун, отяжелев, на пиру;
235 Влажными крыльями бьет, росу отрясая хмельную,
Но и от этой росы страдают людские сердца.
В винном пылу созревает душа до любовного пыла,
Тяжкое бремя забот тает в обильном вине,
Смех родится в устах, убогий становится гордым,
240 Скорбь отлетает с души, сходят морщины со лба,
Хитрость бежит перед божьим лицом, раскрываются мысли,
Чистосердечье звучит, редкое в нынешний век.
Тут-то наши сердца и бывают добычей красавиц,
Ибо Венера в вине пламенем в пламени жжет.
245 Помни, однако, что здесь, в обманчивом свете лампы,
Ночью, с хмельной головой трудно ценить красоту.
Ведь не случайно Парис лишь днем и под солнечным небом
Молвил, богинь рассмотрев: «Лучшая — Мать Любви!»
Ночь благосклонна, она прикрывает любые изъяны,
250 Ночью любую из дев можно красавицей счесть.
О драгоценных камнях, о крашенной пурпуром ткани
И о девичьей красе только при солнце суди.

Полно! как перечесть все места для любовной охоты?
Легче исчислить песок на побережье морском!

255 Что уж мне говорить о Байях и байских купаньях²⁰,
Где от горячих ключей серные дышат пары?
Многие, здесь побывав, уносят сердечные раны:
«Нет, — они говорят, — эта вода не целит!»

А невдали от римских холмов есть роща Дианы²¹,

260 Царство, где ставит царя меч в смертоносной руке:
Дева-богиня, сама ненавидя Амуровы стрелы,
Многих в добычу ему и отдала и отдаст.

До сих пор лишь о том, где раскинуть любовные сети,
Талия правила речь в беге неровных колес²².

265 Время теперь приступить к тому, что гораздо важнее, —
Как уловить для себя ту, что искал и нашел?
Все и повсюду мужи, обратите умы со вниманьем
И доброхотной толпой слушайте слово мое!

Будь уверен в одном: нет женщин, тебе недоступных!

270 Ты только сеть распахни — каждая будет твоей!
Смолкнут скорее весной соловьи, а летом цикады,
А меналийские псы зайцев пугаться начнут,
Нежели женщина станет противиться ласке мужчины, —
Как ни твердит «не хочу», скоро захочет, как все.

275 Тайная радость Венеры мила и юнцу и девице,
Только скромнее — она, и откровеннее — он.
Если бы нам сговориться о том, чтобы женщин не трогать, —
Женщины сами, клянусь, трогать бы начали нас.
Телка быка на лугу сама выкликает мычаньем,

²⁰ Байи — модный курорт с горячими водами у берега Неаполитанского залива.

²¹ Роща Дианы — храм в Ариции у озера Неми, жрецом в котором мог быть только беглый раб, своей рукой убивший своего предшественника.

²² Неровные колеса — неравные строки элегического дистиха.

280 Ржаньем кобыла своим кличет к себе жеребца.
 В нас, мужчинах, куда осторожней и сдержанней страсти:
 Похоть, кипящая в нас, помнит узду и закон.
 Ну, а что же сказать о Библиде, которая, брата
 Грешной любовью любя, грех свой казнила петлей?²³

285 Мирра любила отца не так, как дочери любят,
 И оттого-то теперь скрыта под толщей коры,
 А из-под этой коры благовонно текущие слезы
 Нам в аромате своем плачущей имя хранят.
 Было и так: в тенистых лесах под Идою пасса²⁴

290 Бык в чистой шерсти, стада и честь и краса.
 Меченный темным пятном на лбу меж большими рогами,
 Телом своим остальным был он белей молока.
 В кносских стадах и в кидонских стадах²⁵ томились коровы
 В жажде принять на крестец тяжкую тушу его.

295 Бычьей подругою стать царица рвалась Пасифая —
 Ревности гневной полна, телок гнала она прочь.
 Не о безвестном твержу: будь Крит четырежды лживым,
 Остров ста городов не отречется, солгав²⁶.
 Свежую рвет Пасифая листву, непривычной рукою

300 Сочную косит траву и преподносит быку.
 Ходит за стадом она по пятам, позабыв о супруге,
 Ибо теперь для нее бык драгоценней царя.
 Ах, Пасифая, зачем надеваешь богатые платья?
 Право, любовник такой этих не ценит богатств.

305 Надо ли в диких горах при скотине о зеркале думать,
 Надо ли этак и так к пряди укладывать прядь?
 Зеркало скажет одно: тебе далеко до телицы!
 Были рога для тебя трижды желанной красой!
 Если Минос тебе мил, зачем тебе нужен любовник?

310 Если Минос надоел — мужа от мужа ищи.
 Нет — как вакханка под чарой кадмейского бога, царица
 Мчится в чащи лесов, брачный покинув покой.
 Сколько раз ревниво она смотрела на телку
 И говорила: «Зачем милому нравишься ты?»

315 Как перед ним на лугу ты резвишься на травке зеленой!
 Будто уж так хороши эти прыжки и скачки?»
 Так говорила она, и тотчас несчастную телку
 Прочь велела прогнать, впрячь приказала в ярмо
 Или велела вести к алтарю для недобрых закляний,

320 Чтобы ревнивой рукой радостно сжать потроха.
 Сколько соперниц она зарезала небу в угоду!
 «Пусть, — говорила она, — вас он полюбит таких!»
 Как ей хотелось Европою стать или сделаться Ио —
 Той, что любима быком, той, что под пару быку.

325 И дождалась, и чреватою стала в кленовой корове,
 И понесенный приплод выдал отца своего!

²³ Перечисляются любовь Библиды к ее брату Кавну («Метаморфозы», IX, 446—664), Мирры к ее отцу Киниру (там же, X, 298—518), за которую она была обращена в дерево с благовонной смолой, и Пасифай к быку.

²⁴ Ида — здесь гора на Крите.

²⁵ Кнос и Кидония — города на «стоградном» Крите.

²⁶ Лживым Крит назван по известному софизму: «“Все критяне лжецы”, — сказал критянин; правду он сказал или ложь?»

Если б другая критянка не вспыхнула страстью к Фиесту²⁷ —
 (Ах, как трудно любить всю свою жизнь одного!) —
 Феб в колеснице своей с середины небесного свода
330 Вспять к рассветной заре не повернул бы коней.
 Дочь, багряную прядь похитив у спящего Ниса²⁸,
 Чресла свои обвила поясом песьих голов.
 Вождь, избежавший Нептуна в волнах и Марса на суше,
 Пал великий Атрид жертвой жестокой жены.
335 Кто не заплачет, взглянув на огонь, пожравший Креусу,
 И на запятнанный меч матерью в детской крови?
 Плакал Аминторов сын, лишившийся зрения Феникс²⁹;
 От разъяренных коней чистый погиб Ипполит;
 Старый Финей, не выкалывай глаз у детей неповинных³⁰ —
340 Не на твою ли главу та же обрушится казнь?
 Всё, что делает женщина, — делает, движима страстью.
 Женщина жарче мужчин, больше безумия в ней.
 Будь же смелей — и надежды свои возлагай на любую!
 Верь, что из тысячи жен не устоит ни одна.
345 Та устоит, та не устоит, но всякой приятно;
 Если и выйдет просчет — это ничем не грозит.
 Только откуда же быть просчету, когда повселюдно
 Новая радость милей, слаще чужое добро?
 Каждый знает: на поле чужом урожай полновесней,
350 И у соседских коров дойное вымя полней.

Но позаботься сперва заручиться подмогой служанки,
 Чтоб до хозяйки достичь более легким путем.
 Вызнай, вправду ли ей госпожа доверяет секреты,
 Точно ли служит она тайных пособницей игр.
355 Просьб для нее не жалея, не жалея для нее обещаний —
 Ей ведь помощь не в труд, если захочет помочь.
 Время укажет она, когда сердце хозяйки доступней
 (Время есть для всего, так и врачи говорят).
 Это бывает, когда наливается радостью сердце,
360 Словно в широких полях колос, обильный зерном:
 Радости полная грудь, никаким не стесненная горем,
 Льстивой Венере сама недра свои распахнет.
 Троя в суровые дни защищалась, мечей не жалея, —
 Троя в веселье души стены раскрыла коню.
365 Сердце доступно еще и тогда, когда чувствует зависть:
 Взять над соперницей верх средство красавице дай!
 Пусть поутру, над прической трудясь, хозяйке служанка
 Скажет несколько слов — парус в подмогу веслу,
 Пусть, глубоко вздохнув, она потихоньку прошепчет:
370 «Вряд ли сумела бы ты мерой за меру воздать!»
 Пусть порасскажет потом о тебе с убеждающим жаром,
 И поклянется, что ты гибнешь от страстной любви.
 Только уж тут торопись, лови своим парусом ветер, —
 Тает, как лед на жаре, от промедления гнев.

²⁷ Критянка — Аэропа, жена Атрея; обольстившего ее Фиеста Атрей накормил мясом его детей, и Солнце повернуло с неба вспять, чтобы не видеть этого пира.

²⁸ Дочь Ниса — Сцилла, о которой см. «Метаморфозы», VIII, 1—151.

²⁹ Феникс отверг любовь своей матери Фтии, она оболгала его перед отцом, и отец его ослепил.

³⁰ Финей ослепил по наговору жены своих сыновей от первого брака и был за это сам наказан слепотой и голодом.

375 Ты меня спросишь, не взять ли тебе заодно и служанку?

Можно и это, но здесь риск непомерно велик.

Это ей может придать, но и может убавить усердья —

Та для своей госпожи трудится, та для себя.

Случай решает успех; пусть счастье сопутствует смелым, —

380 Все-таки я бы не стал в этом пускаться на риск.

Я не хочу увлекать молодых на кручи и в бездны,

Я не собью их с пути, дав ненадежный совет.

Если, однако, по нраву тебе пособница ваша

Не за услуги одни, а и пригожим лицом, —

385 Все же сперва овладей госпожой, а потом уж служанкой:

Не подобает с рабынь службу Венере начать.

Дам один лишь совет (коли веришь ты нашей науке,

И не приходится мне на ветер речи бросать):

Взявшись за дело — иди до конца! Безопасен свидетель,

390 Если свидетель и сам делит с тобою вину.

Птица не пустится в лёт, когда крылья схвачены клеем;

Трудно из ловчих сетей выход найти кабану;

Рыба, поранясь крючком, уже рыбака не минует;

Точно так же и ты должен, начав, победить.

395 А совиновницей став, она уж тебе не изменит

И о своей госпоже всякую весть сообщит.

Только скрывать умей! Чем более скрыт твой сообщник,

Тем о подруге твоей больше удастся узнать.

Тот не прав, кто решит, что уметь рассчитывать время

400 Будет полезно в трудах лишь мужику с моряком.

Как не во всякую пору поля принимают Цереру

И по зеленой волне полая мчится ладья,

Так и нежных девиц пленять не всегда безопасно —

Вовремя выбранный срок должен доставить успех.

405 День ли рожденья красавицы, день ли, когда календарный

Праздник Венеры идет Марсову месяцу вслед³¹,

Или когда напоказ³² вместо древних убогих фигурок

Выставит праздничный цирк пышную роскошь царей, —

Эти дни не твои: для тебя они — зимние бури,

410 И восхождение Козлят, и нисхождение Плеяд³³,

Повремени, а не то, не вовремя вверившись морю,

Еле удержит рука щепки разбитой кормы.

Благоприятней всего для твоих начинаний плачевный

День, когда потекла в Аллии римская кровь³⁴,

415 Или когда в семидневный черед все дела затихают,

И палестинский еврей чтит свой завещанный день.

Наоборот, дни рожденья и прочие сроки подарков —

Это в уделе твоём самые черные дни.

Как ни упрямся дарить, а она своего не упустит:

420 Женщина средство найдет страстных мужчин обобрать.

³¹ Праздник Венеры — женский праздник 1 апреля (см. «Фасты», IV, 1 сл.).

³² Или когда напоказ... — На декабрьский праздник Сатурналий, когда в древности продавались и дарились глиняные фигурки богов, а в позднейшее время устраивались пышные распродажи. Все это — дни, когда красавица получает подарки со всех сторон и не оценит среди них подарка влюбленного.

³³ Восхождение Козлят (октябрь) и захождение за горизонт Плеяд (ноябрь) считалось началом опасных зимних бурь.

³⁴ День Аллии — память о поражении римлян от галлов 16 июля 390 г. до н. э.; этот день считался траурным, и дарение в этот день было необычным.

Вот разносчик пришел, разложил перед нею товары,
Их пересмотрит она и повернется к тебе,
«Выбери, — скажет, — на вкус, посмотрю я, каков ты разборчив»,
И поцелует потом, и проворкует: «Купи!»
425 Скажет, что этого ей довольно на долгие годы, —
Нужную вещь продают, как же ее не купить?
Ежели денег, мол, нет при себе — попросит расписку,
И позавидуешь ты тем, кто писать не учен.
Ну, а что, коли в год она дважды и трижды родится
430 И приношения ждет на именинный пирог?
Что, коли плачет она и твердит сквозь притворные слезы,
Что потеряла на днях с камнем серьгу из ушка?
Любят просить на срок, а в срок возвращать не умеют —
Ни тебе денег назад, ни тебе ласки в обмен.
435 Нет, даже если бы сто я имел языков и гортаней³⁵,
Я бы исчислить не смог хитрых нечестий блудниц.

Воску на гладкой дощечке ты первому выскажешь душу,
Воск для тебя меж глубин верный нащупает брод.
Воску льстивые вверх слова и влюбленные речи —
440 Что есть сил, умоляй, делу мольбы не вредят:
Гектора выдал Ахилл, мольбам уступая Приама,
Боги смиряют свой гнев, смертным внимая мольбам.
И не жалея обещаний: они ведь нимало не стоят —
Право, каждый бедняк этим товаром богат.
445 Тот, кто поверил хоть раз, неустанно питает надежду:
Лжива богиня надежд, но без нее не прожить.
Если принес ты подарок — тебя уже может и бросить
Женщина: взятое — с ней, и не упущена дань.
Если же ты не принес — будет ждать и надеяться будет:
450 Так над бесплодной землей дольше томится мужик,
Так проигравший игрок снова ставит, и снова теряет,
И простирает опять жадные руки к игре.
Вот задача, вот труд³⁶: без подарка добиться успеха!
Женщина, дав и не взяв, даст и опять и опять.
455 Так посылай же письмо, умоляющей полное лести, —
Первой разведкой души трудный нащупывай путь.
Яблоко с тайным письмом обмануло когда-то Кидиппу
И уловило ее в сеть ее собственных клятв³⁷.

Римские юноши, вам говорю: не гнушайтесь наукой
460 Той, что учит в суде робких друзей защищать!
Ибо не только народ, не только судья и сенатор,
Но и подруга твоя сдастся на красную речь.
Будь, однако, не прост, храни про себя свою силу,
Не допускай на письме велеречивых словес.
465 Кто, коли он не глупец, перед милой витийствовать станет?
Часто единственный звук может родить неприязнь.
Будь убедителен, ласковым сделай привычное слово,
Будто не воск говорит — сам ты беседуешь с ней.

³⁵ Сто языков и гортаней — реминисценция из «Илиады», II, 489.

³⁶ Вот задача, вот труд — пародическая реминисценция из «Энеиды», VI, 129, где речь идет о спуске Энея в Аид.

³⁷ Кидиппа — героиня стихов Каллимаха; влюбленный Аконтий подбросил Кидиппе яблоко с надписью: «Клянусь Артемидой, что выйду за Аконтия», — и она, прочитав эти слова вслух, оказалась невольно давшей клятву.

Если не примет письма и воротит его, не читая,
470 Ты не лишайся надежд: будешь упорней — прочтет.
Только со временем бык норовистый притерпится к плугу.
Только со временем конь жесткую примет узду;
Перстень железный, и тот за годы сотрется на пальце,
И заостренный сошник сточит за годы земля;
475 Что есть тверже скалы, что мягче текучей водицы?
А ведь и твердый утес мягкая капля долбит.
Будь терпелив, и ты победишь самое Пенелопу —
Поздно пал Илион, поздно, а все-таки пал.
Если прочтет, а ответа не даст, — подожди, не насилуй:
480 Ты приучи ее глаз к чтению ласковых строк.
Та, что хочет читать, захочет потом и ответить —
Всюду своя чередка, всё совершается в срок.
Или, быть может, она поначалу ответит сурово,
Веско тебе запретит письмами ей докучать?
485 Знай: боится она послушанья и ждет ослушанья, —
Будь же настойчив и тверд — цель от тебя не уйдет!
Если твоя госпожа, полулежа в открытых носилках,
Будет по улице плыть, ты подойди невзначай;
Но чтобы речи твои не попали в недоброе ухо,
490 Ты постарайся их смысл скрыть в двуязычный намек.
Если же праздной стопой под просторной она колоннадой
Бродит, то с ней заодно время свое убивай.
То вперед забеги, то ступай по пятам неотступно,
То приотстань, то опять скорого шагу прибавь;
495 Время от времени будь на другой стороне колоннады,
Чтоб оказаться потом с нею бок о бок опять.
Не допусти, чтоб она без тебя красовалась в театре —
Будь в полукруглых рядах там же, где будет она;
Там и любуйся, там и дивись на нее без помехи,
500 Взглядами с ней говори, знаками дай себя знать,
Хлопай в ладоши, когда плясун представляет девицу,
Хлопай, когда лицедей изображает любовь;
Встанет она — встань и ты; сидит — не трогайся с места;
Время свое убивай так, как покажет она.

505 Только не вздумай завить себе кудри каленым железом
Или по голени ног едкою пемзой пройтись:
Это оставь корибантам³⁸, которые мать Кибелу
В диких напевах своих славят фригийским вытьем.
Мужу небрежность к лицу. Похитил Тесей Ариадну,
510 Не украшая висков прикосновеньем шипцов;
Федре мил Ипполит, хотя Ипполит и не щеголь;
Сам лесной Адонис дорог богине любви.
Будь лишь опрятен и прост. Загаром на Марсовом поле
Тело покрой, подбери чистую тогу под рост,
515 Мягкий ремень башмака застегни нержавеющей пряжкой,
Чтоб не болталась нога, словно в широком мешке;
Не безобразь своей головы неумелою стрижкой —
Волосы и борода требуют ловкой руки;
Ногти пусть не торчат, окаймленные черною грязью,
520 И ни один не глядит волос из полой ноздри;
Пусть из чистого рта не пахнет несвежестью тяжелой
И из подмышек твоих стадный не дышит козел;
Все остальное оставь — пускай этим тешатся девки
Или, Венере назло, ищут мужчины мужчин.

525 Полно: Вахх призывает певца! Он тоже влюбленным

³⁸ Корибанты — см. прим. к «Любовным элегиям», II, XIII, 18.

Друг, и пламя любви с пламенем Вакха сродни.
Кносская дева блуждала, без сил, в песках незнакомых,
Там, где у Дийской скалы хлещет морская волна³⁹,
Как была, в чем спала, распутившая складки туники,
530 Русых волос не покрыв, голой ногою скользя,
В волны глухие кричала жестокого имя Тесея,
Горьким терзала дождем нежную кожу ланит;
Крики неслись, и слезы лились, но и слезы и крики
Деве были к лицу: прелесть была и в слезах.
535 Вновь и вновь ударяя ладонями в нежные груди,
«Бросил неверный меня! Бросил! — твердила она. —
Как мне быть? Как мне быть?» Вдруг грянули бубны по скату
Берега, вдруг зазвучал в буйных ладонях кимвал;
Ужасом дева полна, смолкает, не кончивши слова,
540 Замер вздох на устах, краска сбежала со щек.
Видит: мималлониды⁴⁰ закинули кудри за плечи,
Видит: сатиры бегут, богу предшественный сонм,
Видит: старец нетрезвый, Силен, на усталом осленке
Еле сидит и рукой пряди отводит со лба;
545 Он за вакханками, те — от него убегают и дразнят,
И неумелый седок, не совладавши с ослом,
Вдруг соскользнув с длинноухого, падает вниз головою, —

Хором сатиры кричат: «Встань, подымайся, отец!»
И наконец, золотою уздой уздающий тигров,
550 Сам в виноградном венце светлый является бог.
Ни кровинки, ни Тесея, ни голоса в деве —
Трижды рвется бежать, трижды от страха застыв.
Вся дрожит, как под ветром дрожит сухая былинка,
Как над болотной водой влажный трепещет тростник.
555 Бог гласит: «Это я, вернейший друг и заботник!
Дева, страх позабудь: Вакху ты будешь женой!
Небо — брачный мой дар: звездой просияешь на небе,
Путь в ночи кораблям Критский укажет Венец».
Молвив, шагнул с колесницы, чтоб не были страшны пугливой
560 Тигры, и божью стопу напечатлел на песке,
И, обессиленную прижав ее к мощному лону,
Взнес ее ввысь на руках всепобеждающий Вакх.
Те Гименея поют, эти Эвия, Эвия славят⁴¹ —
И на священном одре дева и бог сопряглись.
565 Вот потому-то, когда на столе — возлияния Вакху,
А за столом возлежит женщина рядом с тобой,
Богу ночному молись, молись Никтелийским святыням⁴²,
Чтобы твоя голова не помутилась вином.
Тут-то тебе и дано о многом сказать незаметно,
570 Чтобы она поняла: сказано это о ней;
Тут-то вином и чертить на столе говорящие знаки,
Чтобы твоей госпоже знать, чья она госпожа;
Взглядами взглядов искать, изъясняясь их пламенным блеском —
Часто немые глаза красноречивее уст.
575 Тронет ли чашу губами она, перейми эту чашу

³⁹ Кносская дева — Ариадна, покинутая на Дии (Наксосе).

⁴⁰ Мималлониды — македонские вакханки.

⁴¹ Эвий — одно из имен Вакха; отсюда «эвоэ!» — экстагический крик вакханок.

⁴² Никтелийские святыни — от имени Вакха Никтелиа («ночного бога»).

И за красавицей вслед с той же пригубь стороны;
 Если к какому куску она потянется пальцем,
 Ты, потянувшись за ней, руку рукою задень.
 Кроме того, не забудь и понравиться мужу подруги —
580 Станет полезнее он, сделавшись другом твоим:
 Если по жребию пьешь — уступи ему первую долю
 И со своей головы дай ему первый венок,
 Пусть ему первым нальют, будь он выше тебя или ниже,
 Что бы он ни сказал — с легкой готовностью вторь.
585 Самый испытанный путь — обманывать мнимую дружбой
 (Все же опасность таит даже испытанный путь):
 Именно так и делец, превышая свое полномочье,
 Больше берет на себя, чем доверялось ему.
 Мера есть и питью — указать ее вовсе не трудно:
590 Пусть голова и нога будут послушны тебе!
 Больше всего берегись за вином затевать перебранку,
 Бойся волю давать рвущимся к бою рукам:
 Евритион нашел себе смерть в неразумной попойке⁴³, —
 Нет, за столом и вином легкая резвость милей.
595 Пой, коли голос хорош, пляши, коли руки красивы, —
 Всем, чем можешь пленить, тем и старайся пленить.
 Истое пьянство вредит, но мнимое даже полезно:
 Пусть заплетется язык, пусть залепечется речь, —
 Что б ты теперь ни сказал и ни сделал не в меру ретиво —
600 Все для тебя не в упрек: скажут, виновно вино.
 «Благо любимой моей и благо любимому ею!» —
 Так говори, а в уме: «Чтоб ему сдохнуть!» — добавь.
 Но покидают застольники стол, расходясь многолюдно;
 Тут-то сама суета подступ к красавице даст.
605 Вдвинься в толпу, проберись к красавице, словно случайно,
 Пальцами стана коснись, ногу ногою задень.
 Вот когда время начать разговор! И Венера и Случай —
 Оба помогут тебе; Стыд неотесанный, прочь!
 Здесь твоему красноречью не надобны наши советы,
610 Только сумей захотеть — сразу же станешь речист.
 С ролью влюбленного сладь, словами яви свои раны,
 Хитрость любую найди — пусть лишь поверит она.
 Это нетрудно: ведь каждая мнит, что любви она стоит;
 Даже и та, что дурна, верит в свою красоту.
615 Часто бывало: притворно любя, притворщик влюблялся,
 Взвзявшись казаться таким, впрямь становился таков.
 Так не таите же, девушки, зла на мужское притворство —
 Из повсечасной игры часто рождается страсть.
 Ты же, о юноша, вкрадчивой речью подтачивай сердце,
620 Как неустанно река точит нависший обрыв.
 Не уставай восхвалять лицо ее, волосы, руки,
 Пальцев тонких изгиб, ножки-малютки следок.
 Слышать хвалу своей красоте и стыдливая рада:
 Каждая собственный вид ценит превыше всего.
625 Разве Юноне и разве Палладе не стыдно доселе,
 Что на Фригийской горе не предпочел их Парис?
 Слыша себе похвалу, и павлин свои перья распушит,
 А утаишь похвалу — он утаит красоту.
 Даже разубранный конь на скачках несется быстрее,
630 Слыша, как плещет толпа, шею и гриву хваля.
 Будь в обещаньях некуп — обещанья пленяют красавиц.
 Всеми богами божись, лишь бы доверья достичь!
 Сам Юпитер с небес улыбается клятвам влюбленных

⁴³ Евритион — кентавр, попытавшийся в опьянении похитить невесту на празднике свадьбы Пирифоя и Гипподамии, царицы лапифов; с этого началась битва лапифов с кентаврами.

И развеваает их вмиг взмахом Эоловых крыл.
635 Даже стигийской водой сам Юпитер божился Юноне, —
 Ложным клятвам не чужд, ложным он клятвам не мстит.
 Выгодны боги для нас — коли выгодны, будем в них верить,
 Станем на древний алтарь и возливать и кадить.
 Боги не праздны, они не стынут в дремотном покое, —
640 Боги над теми блюдут, кто добронравно живет.
 Долг не жалеите платить, договор страшитесь нарушить,
 Душу храните от лжи и от убийства ладонь, —
 Лишь за одно наказания нет: обманывать женщин.
 Здесь и только здесь верность стыдней, чем обман.
645 Будем неверны неверным! Пускай нечестивое племя,
 С хитростью выйдя на нас, в свой же силок попадет.
 Есть рассказ: девять лет лежал плодоносный Египет
 Сух, и не падал с небес дождь, орошая посев.
 Фрасий пришел к Бусириду⁴⁴ и молвил: «Смягчится Юпитер,
650 Если пришелец прольет кровь на его алтаре».
 Тотчас в ответ Бусирид: «Ты сам и падешь, чужеземец,
 Первою жертвой богам ради желанной воды».
 Сжег Фаларид в жестоком быке Периллово тело,
 И злополучный творец пищей творению стал.
655 Прав Бусирид, и прав Фаларид! Закон всех законов:
 Кто злоумыслил смерть — сам этой смертью умрет.
 Пусть же теперь поделом вероломных казнит вероломство;
 Мучаясь, женщина пусть поданный вспомнит пример!

Польза есть и в слезах: слеза и алмазы растопит.
660 Только сумей показать, как увлажнилась щека!
 Если же сухи глаза (не приходит слеза по заказу!) —
 Маслом пальцы полей и по ресницам пройдишь.
 А поцелуй? Возможно ли их не вмешивать в просьбы?
 Пусть не дается — а ты и с недающей бери.
665 Ежели будет бороться и ежели скажет: «Негодный!» —
 Знай: не своей, а твоей хочет победы в борьбе.
 Только старайся о том, чтоб не ранить нежные губы,
 Чтобы на грубость твою дева пенять не могла.
 Кто, сорвав поцелуй, не сорвал и всего остального,
670 Истинно молвлю, тому и поцелуй не впрок.
 Что помешало тебе достичь полноты возделенной?
 Стыд? Совсем и не стыд — разве что серость твоя.
 Это насилье? Пускай: и насилье красавицам мило —
 То, что хотят они дать, нехотя лучше дадут.
675 Силою женщину взяв, сам увидишь, что женщина рада
 И что бесчестье она воспринимает как дар.
 Если ж она, хоть могла претерпеть, а нетронутой вышла,
 То под веселым лицом тайную чувствует грусть.
 Феба и Фебы сестра познали насильные ласки⁴⁵,
680 Но не устали любить тех, кто насильно ласкал.
 Всем известен рассказ, и все же его повторю я —
 Как Ликомедова дочь мужа в Пелиде нашла⁴⁶.
 Уж от богини, красой превзошедшей соперниц на Иде,
 Пылкий судья получил горькую мзду за хвалу;

⁴⁴ Бусирид, расправившийся с кипрским прорицателем Фрасием, и акрагантский тиран Фаларид (VI в. до н. э.), которому Перилл изготовил медного быка, чтобы сжигать в нем врагов, и сам стал первой его жертвою.

⁴⁵ Феба и Гилаира, дочери Левкиппа, похищенные Кастором и Поллуксом.

⁴⁶ Ликомедова дочь — Деидамия, родившая Ахиллу Неоптолема.

685 Плыли уже к Приаму-царю корабли из-за моря,
 Эллинскую в Илион старцу невестку неся;
 Клятву давали мужи восстать за того, кто обижен,
 Общею честью сочтя мечь за позор одного;
 Только Ахилл (о, стыд! но мольбе уступил он Фетиды),
690 Длинное платье надев, скрыл, что мужчина и он.
 Что с тобой, Эакид? Тебе ли над шерстью трудиться?
 Ждет Паллада тебя, но не на этой стезе.
 Ты ль над корзинкой сидишь? Рука твоя просит оружия!
 Эта ли с пряжей ладонь Гектору смерть принесет?
695 Прочь отбрось, прочь отбрось веретена с добротною нитью
 И пелионским копьем в крепкой руке потрясай!
 В том же покое спала девица из царского рода,
 Ей самой и пришлось мужа в Ахилле признать.
 Силе она уступив (приходится этому верить),
700 Верно, хотела сама силе такой уступить.
 Часто она говорила: «Побудь!» — беспокойному другу,
 Вместо былых веретен острый хватавшему меч.
 Где же насилие, где? Зачем, Деидамия, хочешь
 Лаской того удержать, кем обещана ты?
705 Правда, иную игру начать не решается дева, —
 Рада, однако, принять, если начнет не она.
 Право же, тот, кто от женщины ждет начального шага,
 Слишком высоко, видать, мнит о своей красоте.
 Первый приступ — мужчине и первые просьбы — мужчине,
710 Чтобы на просьбы и лесть женщина сдаться могла.
 Путь к овладению — мольба. Любит женщина просьбы мужские —
 Так расскажи ей о том, как ты ее полюбил.
 Сам преклонялся с мольбой Юпитер, сходя к героиням, —
 Из героинь ни одна первой его не звала.
715 Если, однако, почувствуешь ты, что мольбы надоели,
 Остановись, отступи, дай пресыщенью пройти.
 Многим то, чего нет, милее того, что доступно:
 Меньше будешь давить — меньше к тебе неприязнь.
 И на Венерину цель не слишком указывай явно:
720 Именем дружбы назвав, сделаешь ближе любовь.
 Сам я видал, как смягчались от этого строгие девы
 И позволяли потом другу любовником стать.

Белая кожа претит в моряке — под брызгами моря
 На обожженном лице темный ложится загар.
725 Белая кожа — укор землепашцу, когда он на пашне
 Лемех ведет и отвал, солнцу подставив плечо.
 И для тебя, кто рвется к венку из листьев Паллады,
 Для состязателя игр, белое тело — позор.
 Бледность — тому, кто влюблен! Влюбленному бледность пристала:
730 В этом его красота — мало ценимая кем.
 Бледный в Сидейских лесах Орион на охоте скитался,
 Бледный Дафнис, томясь, млел о наяде своей⁴⁷.
 Бледность и худоба обличают влюбленные души,
 Так не стыдись под плащом кудри блестящие скрыть!
735 Юным телам придают худобу бессонные ночи,
 Боль, забота, печаль — знаки великой любви.
 Чтобы желанья сбылись, не жалея вызывать сожаленья.
 Пусть, взглянув на тебя, всякий воскликнет: «Влюблен!»
 Скрыть ли тоску и упрек, что смешали мы правду и кривду?
740 Дружба и верность у нас нынче пустые слова.
 Ах, как опасно бывает хвалить любимую другу:
 Он и поверит тебе, он и подменит тебя.

⁴⁷ Дафнис — сицилийский влюбленный пастух, воспетый Феокритом (идиллия 7).

Ты говоришь: «Но Патрокл соперником не был Ахиллу;
Верность Федры поправить не посягал Пирифой;
745 Если Пилад и любил Гермioniу, то чистой любовью,
Словно Палладу — Феб и Диоскуры — сестру».
Кто на такое надеется, тот, пожалуй, надейся
Мед из реки зачерпнуть, плод с тамариска сорвать!
Нынче стыд позабыт — свое лишь каждому любо,
750 Каждый за радость свою платит страданьем других.
Нынче, увы, не врага своего опасайся, влюбленный, —
Чтобы верней уцелеть, мнимых друзей берегись.
Остерегайся родных, бойся брата, чуждайся знакомца —
Вот с какой стороны ждет тебя истинный страх!
755 Близок конец; но ты не забудь, что любовь открывает
Тысячу разных путей к тысяче женских сердец.
Ведь и земля не повсюду одна: иное — оливам
Место, иное — лозе или зеленым хлебам.
Сколько лиц на земле, столько бьется сердец непохожих:
760 Тот, кто умен и хитер, должен приладиться к ним.
Словно Протей, то он вдруг обернется текучей водою,
То он лев, то он дуб, то он щетинистый вепрь.
Рыбу ловить — там нужен крючок, там потребен трезубец,
Там на крепкий канат нижется частая сеть.
765 Не выходи же и ты без разбора на старых и юных —
Издали сети твои высмотрит старая лань.
Ум покажи простоватой, нахальством блесни перед строгой —
Та и другая тотчас, бедные, бросятся прочь.
Вот почему бывает порой, что достойным откажет,
770 А к недостойным сама женщина в руки падет.

Часть пути — позади, а часть пути — предо мною.
Бросим якорь в песок, отдых дадим кораблю.

Книга вторая

Гряньте: «Ио, Пеан!» «Ио, Пеан!»—возгласите!
Бьется добыча в сети, кончен охотничий труд.
Ныне влюбленный, ликуя, стихи мои метит наградой
Выше Гомеровых пальм и Гесиодовых пальм.

5 Так распускал паруса похититель и гость, сын Приама,
От копьеносных Амикл⁴⁸ в дом свой жену увозя;
Так и тебя, Гипподамия, вез в колеснице победной
Тот, кто примчался к тебе в беге заморских колес.
Но не спеши так, юнец; ты выплыл в открытое море,
10 Волны плещут кругом, берег желанный далек.
Если по слову стиха моего и достиг ты любимой —
Я научил овладеть, я научу сохранить.
Завоевать и оборонить — одинаково важно:
Случай поможет в одном, только наука — в другом.
15 Так не оставьте меня, Киприда и отрок Киприды,
Ты не оставь, Эрато, тезка которой — Любовь!
Долг мой велик: поведать о том, каким ухищреньем
Будет удержан Амур, мчащийся по миру бог.
Легок Амура полет, два крыла у него за плечами,
20 Трудно накинуть на них сдержанной меры узду.
Гостю когда-то Минос замкнул все пути для ухода —
Гость на пернатых крылах по небу путь проторил⁴⁹.

⁴⁸ Амиклы — древний пригород Спарты, «копьеносного» города.

⁴⁹ Рассказ о Дедале и Икаре повторяется в «Метаморфозах», VIII, 152—235.

Был уже скрыт в тайнике зачатый матерью в блюде
Бык-получеловек и человек-полубык,
25 И произнес строитель Дедал: «Минос-справедливец!
Плену конец положи: прах мой отчизне верни!
Пусть я не мог, гонимый судьбой, не знающей правды,
Жить в родимой земле,— в ней я хочу умереть.
Если не жаль старика — дозвожь возвратиться ребенку.
30 Если ребенка не жаль — то пощади старика».
Так он твердил, и долго твердил, но тщетными были
Речи — пленнику царь выхода в путь не давал.
Это поняв, промолвил Дедал: «Теперь-то, умелец,
Время тебе показать, в чем дарованье твое.
35 Пусть и море, пусть и суша покорны Миносу,
Пусть ни земля, ни вода нам не откроют пути,—
Небо осталось для нас — рискнем на небесные тропы!
Вышний Юпитер, прости мне дерзновенье мое:
Я не хочу посягать на звездные божьи престолы —
40 Нет нам из рабства пути, кроме пути в небесах!
Ежели Стикс дозволит исход — поплывем и по Стиксу!

Новый пишу я закон смертной природе моей».
Часто беда изощряет умы. Возможно ли верить,
Чтобы шагнул человек ввысь по воздушной тропе?
45 Вот он перо за пером слагает в небесные весла,
Тонкими нитями льна вяжет одно к одному;
Жарко растопленный воск крепит основания перьев;
Вот уж подходит к концу новоизмышленный труд.
Мальчик веселый меж тем и пером забавлялся, и воском,
50 Сам не зная, что в них — снасть для мальчишеских плеч.
«Это,— молвил отец,— корабли для нашего бегства,
Это единственный путь к воле и отчей земле.
Всюду — запоры Миноса, свободен лишь воздух небесный;
Мчись по свободному ввысь, воздух полетом прорви!
55 Пусть, однако, тебя не влечет ни тегейская дева⁵⁰,
Ни Волопас, ни его спутник с мечом — Орион:
Только за мною одним устремись на полученных крыльях —
Я — впереди, ты — вослед: в этом — спасенье твое!
Если эфирный поток вознесет нас к недальному солнцу —
60 Знай, не вынесет воск солнечных жарких лучей;
Если же крылья у нас заплещут над самой волною —
То маховое перо взмокнет от влаги морской.
Посередине держись! Лишь бойся недоброго ветра —
Пусть лишь попутный порыв дует в твои паруса».
65 Эти слова говоря, он ладит на мальчика крылья,
Новым движениям плеч учит, как птица птенца;
Сам на свое надевает плечо рукодельные снасти
И в неизведанный путь телом парящим плывет.
Срок полета настал. Отец целуется с сыном,
70 Не высыхает поток слез на отцовских щеках.
Холм был пониже горы, но повыше гладкой равнины —
Здесь для двух беглецов горестный путь начался.
Крыльями движет Дедал, озираясь на крылья Икара,
И не сбиваясь с пути, правит и правит полет.
75 Радует двух беглецов новизна, развеваются страхи,
Мчится отважный Икар, сильным крылом шевелия.
Видит летящих рыбак у воды с дрожащей удою,
Видит, и зыбкую трость в страхе роняет рука.

⁵⁰ Тегейская дева — нимфа Каллисто, превращенная в созвездие Большой Медведицы (см. «Метаморфозы», II, 401—533).

Наксос, и Парос, и Делос, любезный кларосскому богу,
80 Минули; с левой от них Самос прошел стороны,
С правой виднелся Лебинт и рыбная Астипалея
И подымался из вод остров Калимны лесной.
Вдруг юнец, по пылкости лет опрометчивый ранних,
Выше направил тропу, долу оставил отца;
85 Скрепсы расслабились, воск растекся от ближнего солнца,
Ветра не может поймать взмах торопливой руки;
В ужасе он с высоты глядит в просторное море,
В сердце — трепетный страх, ночь наплыла на глаза,
Таает воск, бьет юнец бескрылыми воздух руками,
90 Чувствует смертную дрожь, не в чем опору найти.
Рушится он, крича: «Отец! Отец! Погибаю!» —
И захлестнулись слова темно-зеленой волной.
А злополучный отец (уже не отец!), восклицая:
«Где ты, сын мой Икар? Где, под какой ты звездой?
95 Где ты, Икар?» — вдруг видит в воде плывущие перья...
Кости укрыла земля, имя осталось волне.
Если Минос не сумел удержать человеческих крыльев,
Мне ли пытаться унять бога крылатого взлет?
Но ошибается тот, кто спешит к гемонийским заклетьям
100 И с жеребьячьего лба тонкий снимает нарост⁵¹, —
Чтоб уцелела любовь, не помогут Медеины травы,
Ни заговорный напев ведомых марсам словес⁵².
Если бы только любовь могли уберечь заклинанья, —
Был бы с Цирцеей — Улисс и с Фасианкой — Ясон.
105 Да и девицам не впрок наводящие бледность напитки:
В души несут они вред и помрачают умы.
Прочь, нечестивые, прочь! Будь любезным, и будешь любимым.
Чтобы любовь заслужить, мало одной красоты.
Будь ты хоть сам Нирей, любимец бывшего Гомера,
110 Или нежнейший на вид Гилас, добыча наяд,
Чтобы любовь госпожи сохранить и ее не лишиться,
Ты приложи к красоте малую долю ума.
Ведь красота — ненадежная вещь, убывает с годами:
Чем протяженней она, тем ее сила слабей.
115 Вечно цвести не дано цветам длиннолепестных лилий;
Роза, осыпав красу, сохнет, шипами торча.
Так и в твоих волосах забелеют, красавец, седины,
Так и тебе на лицо борозды лягут морщин.
Дух один долговечен, — да будет тебе он опорой!
120 Он — достоянье твое до погребальных костров.
Не забывай и о том, что для всякой души благодетельно
Знание двух языков и благородных наук.
Не был красивым Улисс, а был он красноречивым —
И воспылали к нему страстью богини морей.
125 Ах, сколько раз, сколько раз о поспешном грустила Калипсо,
И говорила, что нет в море дороги гребцу,
Как она вновь и вновь вопрошала о гибели Трои,
Чтобы на разный он лад все говорил об одном!
На берегу стояли они, и снова Калипсо
130 Об одрисийском вожде свой начинала расспрос.
Легким прутом Улисс (был прут в руке у героя)
Все, о чем говорил, изображал на песке.
«Вот, — говорил он, — стена» (рисую троянские стены),
«Вот река Симоент, вот и палатка моя;

⁵¹ Нарост на жеребьячем лбу считался приворотным средством

⁵² Марсы — италийское племя, известное ведовством.

135 Вот и луг, (нарисован и луг), обгагранный Долоном
В ночь, когда пожелал он гемонийских коней;
Ну, а там стояли шатры ситонийского Реса,
Там я пробрался в ночи, пленных коней уводя».
Так он чертил и чертил, как вдруг волна, разливаясь,
140 Вмиг стирала с песка Трою, шатры и царя.
И говорила богиня: «Ты видишь, как смыла пучина
Столько великих имен,— ей ли доверишь ты плот?»
Не возлагай же надежд на красу ненадежного тела —
Как бы ты ни был красив, что-то имей за душой.

145 Лучше всего привлекает сердца обходительность в людях,—
Грубость, наоборот, сеет вражду и войну.
Ястреба мы ненавидим за клюв его дерзкий и коготь,
И ненавидим волков, хищников робких овец;
Но безопасно от нас кротких ласточек быстрое племя

150 И хаонийский летун, башен высоких жилец⁵³.
Прочь, злословная брань, исчезни, вредная ссора!
Сладкие только слова милую нежат любовь.
Жен мужа и жены мужей пусть ссорами гонят,
Словно меж ними в суде длится неконченный спор.

155 Это — супружества часть, в законном приданое браке,
А меж любовников речь ласкова будь и мила.
Вам не закон приказал сойтись к единому ложу —
Силу закона иметь будет над вами Любовь.

Пусть, к приятным словам склоняясь польщенной душой,
160 Будет подруга всегда рада увидеть тебя!

Тех, кто богат, я любви не учу — на что им наука?
Ежели есть, что дарить,— им мой урок ни к чему.
Тот без науки умен, кто может на всякую просьбу
«Вот тебе, молвить, и вот!» — с ним мне тягаться невмочь.

165 Бедным был я, любя, для бедных стал я поэтом;
Нечего было дарить — праздное слово дарил.
Бедный робок в любви, боится недоброго слова,
Бедный такое снесет, что не стерпеть богачу.
Помню, однажды, вспыхив, повредил я прическу подруги —

170 Скольких мне дней любви стоила эта гроза!
Я ей рубашку не рвал, а она уверяет, что рвал я,—
Мне же пришлось на свои новую ей покупать.
Умные ученики! Не следуйте нашим ошибкам!

Пусть мой убыточный грех служит уроком для вас.
175 Схватки — на долю парфян, а учтивым подругам несите
Ласки, шутку и мир — все, что питает любовь.

Если подруга в ответ на любовь неприветлива будет —
Будь терпелив и крепись: жди, и смягчится она.

Ветку нагни, и нагнется она, если гнуть терпеливо;
180 Если же с силой нажать, то переломится сук.
Будь терпелив, по теченью плыви через всякую реку,
Ибо пустой это труд — против течения плыть;
Будь терпелив, и ты усмиришь и тигрицу и львицу,
И неповадливый бык шею нагнет под ярмо.

185 Кто неприступнее был Аталанты, охотницы горной?
Но и ее получил сильный заслугою муж.
Часто Миланион под сенью дубравных деревьев
Плакал о доле своей, о непокорной любви⁵⁴;

⁵³ Хаонийский летун — голубь, названный так, потому что он был священной птицей при додонском оракуле Зевса в Эпире (Хаония).

⁵⁴ Любовь нелюдимого Миланиона к аркадийской охотнице Аталанте и его соперничество с кентавром Гилеем были предметом рассказа Проперция в элегии I, 1.

Часто по слову ее таскал он охотничьи сети,
190 Хаживал на кабанов с пикою наперевес,
 Раны знавал он тугой тетивы Гилеева лука —
 Но уязвляла его глубже иная стрела.
 Я не гоню тебя следом за ним по рощам Менала,
 Можешь сетей не таскать, можешь не трогать копья,
195 Можешь не подставлять свою грудь стремительным стрелам —
 Проще и легче завет скромной науки моей!
 Я говорю: будь уступчив! Уступки приносят победу.
 Все, что придет ей на ум, выполни, словно актер!
 Скажет «нет» — скажешь «нет»; скажет «да» — скажешь «да»: повинуйся!
200 Будет хвалить — похвали; будет бранить — побрани;
 Будет смеяться — засмейся и ты; прослезится — расплачься;
 Пусть она будет указ всем выраженьям лица!
 Если захочет играть, бросая квадратные кости,—
 Хуже старайся играть, больше старайся платить.
205 Ежели в длинные кости игра — то же самое делай:
 Чаще выбрасывай «псов», ей уступая игру⁵⁵.
 Если, в «разбойники» сев, ты двинешь по линии шашку,—
 Пусть поскорей твой боец сгинет в стеклянном бою⁵⁶.
 Сам держи над своей госпожой развернутый зонтик,
210 Сам расчищай для нее путь в многолюдной толпе.
 Если в точеных носилках она — придвинь ей скамейку,
 И не стыдись у нее ножку обуть и разуть;
 Ежели холодно ей — позабудь, что и сам ты иззябнул,
 И на холодной груди ручку замерзшую грей.
215 Нет позора и в том (отрада ведь пуще позора!),
 Чтобы своею рукой зеркальце ей подносить.
 Тот, кому мачеха дать по плечу не могла супостата⁵⁷,
 Тот, кто небо носил, тот, кто на небо взошел,
 Меж ионийских девиц сидел над рабочей корзинкой
220 И, говорят, не стыдись прят ионийскую шерсть.
 Если тиринфский герой покорялся приказу царицы —
 Ты ль не возьмешься снести то, что сносил Геркулес?
 Коли прикажет тебе госпожа явиться на площадь —
 Раньше срока предстань, самым последним уйди.
225 Если велит бежать по делам — беги, не замедли,
 Чтоб никакая толпа не задержала тебя.
 Ночью ли с пира домой собираясь, раба себе кликнет,—
 Будь ей вместо раба, первым являйся на зов.
 Шлет ли, уехав, письмо «Приезжай!» — поезжай и не мешкай;
230 Не на чем ехать — беги: лени Амур не простит.
 И да не будут помехой тебе ни снега на дорогах,
 Ни в нестерпимые дни дышащий жаждою Пес.
 Воинской службе подобна любовь. Отойдите, ленивцы!⁵⁸
 Тем, кто робок и вял, эти знамена невмочь.
235 Бурная ночь, дорожная даль, жестокая мука,
 Тяготы все, все труды собраны в стане любви.
 Будешь брести под дождем, из небесной струящимся тучи,

55 Длинные кости — кости с очками только на четырех сторонах; худший бросок, при котором все кости показывали одно и то же число очков, назывался «псом».

56 В «разбойники» играли стеклянными шашками.

57 Речь идет о пребывании Геркулеса у Омфалы.

58 Ср. «Любовные элегии», I, 9.

Будешь, иззябший, дремать, лежа на голой земле.
Если рожденный на Делосе бог, Адметово стадо
240 Пасший, ютился порой под шалашом пастуха,—
Ты ли не примешь того, что сам не отверг дальновержец?
Хочешь остаться любим — всякую спесь позабудь.
Если не будет тебе дороги открытой и ровной,
Если перед тобой дверь заперта на засов —
245 Не устрашишь ничего и спускайся во двор прямо с крыши
Или в высоком окне выищи надобный лаз.
Женщина рада бывать причиной смертного риска:
Это им верный залог самой горячей любви.
Ты опасался, Леандр, потерять любимую Геро
250 И, чтоб себя показать, переплывал Геллеспонт.

Нет худого и в том, чтобы льстить рабам и рабыням:
Каждого, кто повидней, надобно ближе привлечь.
По именам их зови, обращаясь (чего тебе стоит?),
И не гнушайся позвать рабскую руку своей.
255 В день Фортуны, когда о подарке попросит невольник⁵⁹,
Не пожалей для него: право, расход невелик.
Не пожалей и служанке подать в тот праздник, в который
Галлы погибель нашли в брачной одежде рабынь⁶⁰.
Челядь должна быть с тобой заодно; особенно важен
260 Тот, кто стоит у дверей и перед спальнею спит.

Не предлагаю тебе дарить драгоценных подарков.
Но, небольшие даря, кстати и к месту дари.
В пору, когда урожай гнет ветви и хлебные стебли,
Ты поднеси госпоже сельских корзину плодов,
265 Ты расскажи ей, что ты получил их из ближней усадьбы,—
Хоть на Священной ты их улице в Риме купил,—
Гроздья дари и орехи, столь милые Амариллиде⁶¹
(Жаль, что ее на каштан нынче поймать мудрено!),
Можешь послать ей дрозда, а можешь — цветочные цепи,
270 Лишний раз подтвердив верность своей госпоже.
Тем же, в надежде на смерть, подкупают бездетную старость —
Ах, провалиться бы всем, кто опорочил дары!
Напомять ли о том, чтобы льстить ей, стихи сочиняя?
Плохо только одно: песни теперь не в чести.
275 Все похвалят стихи, но все пожелают подарка —
Грубый милее богач, чем неимущий поэт.
Истинно, век наш есть век золотой! Покупается ныне
Золотом — почесть и власть, золотом — нежная страсть.
Если с пустыми руками придешь ты, питомец Камены,
280 Будь ты хоть сам Гомер — выставлен будешь, Гомер.
Все же, хоть мало, а есть на земле и ученые девы,
Да и невежды порой рады учеными слыть.
Тех и других в стихах прославляй! За сладкое слово,
Плохо ли, хорошо ль, всякая песня сойдет.

⁵⁹ День Фортуны — 24 июня.

⁶⁰ Праздник служанок — 7 июля, в память о том, как после галльского нашествия латины (а не галлы) подступили к Риму и потребовали в жены римлянок; вместо римских гражданок к ним вышли переодетые рабыни, справили с ними свадьбу, и после этого в свадебную ночь на латинов врасплох ударили римляне и перебили их.

⁶¹ Амариллида — пастушка из «Буколик» Вергилия, II, 52; Овидий жалеет, что с буколических времен женщины стали требовательней к подаркам.

285 Стоит прободрствовать ночь, сочиняя красавице песню:
Вдруг да увидит в стихах хоть невеликий, а дар?

Далее: если ты сам замыслил какое-то дело,
Пусть и подруга твоя кстати попросит о нем.
Если кому из твоих рабов обещал ты свободу —
290 Пусть припадает, моля, чтоб заступилась она.
Снять ли оковы с раба, отменить ли его наказание —
Всё, что делаешь ты, делаешь ты для нее.
Ей — почет, а польза — тебе, и ты не в убытке:
Пусть насладится она ролью большой госпожи!

295 Чтоб оставаться с тобой, должна твоя женщина помнить,
Что от ее красоты стал ты совсем без ума.

Если в тирийском она — похвали тирийское платье,
В косском ли⁶² выйдет к тебе — косское тоже к лицу;

Ежели в золоте вся, то сама она золота краше,
300 Если закутана в шерсть — молви: «Чудесная шерсть!»
Если предстанет в рубашке одной — вскричи: «Я пылаю!»
И осторожно добавь: «А не простудишься ты?»

Если пробор в волосах — не надобно лучшей прически;
Если она завита — честь и хвала завиткам.

305 Пляшет? Хвали ее руки. Поет? Хвали ее голос.
Кончила петь и плясать? Громко об этом жалеи.
Самое ложе любви и самые радости ночи,
Все, что любезно вдвоем,— все это можно хвалить.

Пусть она будет мрачней и жесточе Медузы Горгоны —
310 Слыша такие слова, станет мила и нежна.

Только следи, чтоб она твоего не открыла притворства,
И выраженьем лица не опрокинь своих слов!
Скроешь искусство свое — молодец; а выдашь — досаду:
Веры тебе поделом с этой не будет поры.

315 Часто в осенние дни, когда наливаются гроздья,
Пурпурным крася вином лучшее время в году,
То вдруг нажмут холода, то снова распустится лето,
И переменчивый жар тяготой тело томит.

Пусть подруга твоя останется в добром здоровье!
320 Если же сляжет она, чувствуя воздух больной,—
Тут-то тебе и явить всю любовь твою, всю твою верность,
Тут-то и сеять тебе севы для будущих жатв!

Не поддавайся тоске, на докучные глядя капризы,
Все, что позволит она, делай своею рукой.

325 Дай ей слезы увидеть твои, поцелуем не брезгуй,
Дай пересохшим губам влажной коснуться щеки;
К богу взывай, но громче взывай, чтоб она услышала;
Чаще рассказывай ей благополучные сны;
Дряхлую бабку найми к очищению ложа и дома

330 С серой и птичьим яйцом в горстке трясущихся рук⁶³,—
Все заботы твои оставят хорошую память:

Многим открыли они путь к завещаньям чужим.
Только и здесь ты сумей соблюсти в усердии меру —
Возле больной суетясь, и опостылеть легко.

335 Не говори ей: «Не ешь!», не подсовывай снадобий горьких —
Пусть твой соперник и враг это возьмет на себя.

⁶² Тирийское платье — то есть крашеное финикийским пурпуром; косское — из тонкой шелковой ткани.

⁶³ Сера и яйца — традиционные средства очищения и отвращения бед.

Ветер, от берега вея, увел тебя в дальнее море —
 Здесь парусам корабля надобен ветер иной.
 Снову любовь некрепка, но привычка ей будет опорой:
340 Дай ей пищу и срок — станет крепка и сильна.
 Бык, ужасный тебе, к тебе же ласкался теленком,
 Дуб, под которым лежишь, тонким тянулся ростком;
 Мал бывает родник, но куда ручеек ни польется,
 Станет полней и полней, новые воды приняв.
345 Пусть же подруга привыкнет к тебе: привычка всесильна!
 Ради привычки такой не поленись поскучать!
 Пусть она видит и пусть она слышит тебя постоянно,
 Ночью и днем перед ней пусть твое будет лицо.
 А как уверишься в том, что она без тебя затоскует,
350 Что и вдали от нее будешь по-прежнему мил,—
 Тут-то и отдых устрой. Отдохнувши, земля урожайней,
 И пересохшим полям в радость бывают дожди.
 Рядом дыша с Демофонтом, Филлида о нем не страдала,
 А как отчалил он вдаль,— вспыхнула жарким огнем.
355 Дальним скитаньем Улисс тревожил тоску Пенелопы,
 И, Лаодамия, твой был вдалеке Филакид.
 Но берегись, не просрочи! Угасают со временем страсти,
 Дальний забудется друг, новая встанет любовь.
 Чтобы утешить печаль о далеком своем Менелая,
360 Пала Елена в ночи гостю на жаркую грудь.
 Ах, Менелай, до чего же ты глуп! Одиноко уехав,
 Ты оставляешь в дому гостя с женою вдвоем!
 Лучше бы ястребу ты, обезумев, доверил голубок,
 Лучше бы горным волкам предал овчарню свою.
365 Нет на Елене греха! Не преступен ее соблазнитель!
 Он поступил, как любой,— так поступил бы и ты.
 Ты ее сделал изменницей, дав им и время и место,
 Ты ей указывал путь — и понимала она.
 Правда: ведь муж далеко, а гость обходительный близко,
370 И на постели пустой страшно одной ночевать.
 Думай, как хочешь, Атрид, а по мне, так Елена невинна:
 То, что покладистый муж дал ей, она приняла.

Но ни коричневый вепрь, застигнутый в яростном гневе,
 Молниеносным клыком рвущий ретивых собак,
375 Ни над сосущими львятами мать их, безгривая львица,
 Ни под неловкой пятой змейка, таящая яд,
 Так не бывают страшны, как страшна, услышав об измене,
 Женщина в гневе своем: сердцем и взглядом горя,
 Рвется к огню и мечу, забывает стыдливость и чинность,
380 Словно почуяв удар от Аонийских рогов.
 Вот Фасианка — она, по-варварски мстя за измену,
 Кровью любимых детей брачный омыла позор.
 Вот и другая жестокая мать — ты ласточку видишь,
 Кровь у нее запеклась вечным клеймом на груди⁶⁴.
385 Так расторгает любовь крепчайшие скрепы и связи,—
 Вот почему для мужчин эта опасна вина.
 Но не подумай, что мой приговор: «Будь верен единой»,—
 Боже тебя сохрани! Это и в браке невмочь.
 Нет; но резвясь, умеете таить свои развлечения:
390 Ежели грех за душой — право, молва ни к чему.
 И не дари подарков таких, чтобы стали приметой,
 И постоянного дня не отводи для измен,
 И, чтоб тебя не сумели застичь в знакомом приюте,
 Разным подругам для встреч разное место назначь.

⁶⁴ Ласточка — Прокна.

395 А сочиняя письмо, перечитывай каждую строчку:
Женщины видят в словах больше, чем сказано в них.
Да, удар за удар воздает, сражаясь, Венера,
И заставляет терпеть, что претерпела сама.
Жил при супруге Атрид, и была непорочна супруга,
400 Только по мужней вине злою преступницей став.
Слух до нее доходил и про Хрисову дочь⁶⁵, о которой
Тщетно отец умолял, лавры повязкой овив,
Слух доходил и о горе твоём, Лирнессийская дева⁶⁶,
Чей обернулся увод стыдной задержкой войны;
405 Все же это был слух, а Кассандра явилась воочью —
Сам победитель своей пленницы пленником был.
Тут-то Тиндарова дочь и открыла Фиестову сыну⁶⁷
Сердце и ложе свое — тут-то и грянула месть.

Сколько, однако, греха ни скрывай, всего ты не скроешь;
410 Но и попавшись врасплох, все отрицай до конца.
Будь не более ласков и льстив, чем бываешь обычно:
Слишком униженный вид — тоже ведь признак вины.
Но не жалей своих сил в постели — вот путь к примиренью!
Что у Венеры украл, то вероти ей сполна.
415 Многим известен совет: принимать сатурейские травы,
Вредные травы: по мне, это опаснейший яд;
Или советуют с перцем принять крапивное семя,
Или растертый пиретр во многолетнем вине;
Но не желает таких побуждений к любовным утехам
420 Та, чью обитель хранит тень Эрицинских холмов.
Белый ешь пеласгийский чеснок Алкафоевых севов⁶⁸
И бередящую ешь травку из наших садов;
Мед с Гиметтской горы⁶⁹ не вредит, полезны и яйца,
И помогает орех с веток колючей сосны.

425 Но перестань, Эрато, вникать в ведовскую ученость!
Ближе лежат рубежи бегу квадриги моей.
Я говорил тебе, как утаить от подруги измену,
Я же теперь говорю, как показать ее въявь.
Не торопись меня обвинять в легкомыслии вздорном —
430 Ведь и ладью по волнам разные ветры несут:
То нас фракийский Борей, то Эвр подгоняет восточный,
То под полотнищем Нот, то заполощет Зефир.
Или взгляни, как на конских бегах то отпустит возница
Вожжи, то, вновь натянув, сдержит летящих коней!
435 Женщины есть и такие, кому наша преданность в тягость:
В них угасает любовь, если соперницы нет.
Изнемогает порою душа, пресытившись счастьем,
Ибо не так-то легко меру в довольстве хранить.
Словно огонь, в горенье своем растративший силы,

⁶⁵ Хрисова дочь — Хрисеида.

⁶⁶ Лирнессийская дева — Брисеида.

⁶⁷ Фиестов сын — Эгисф.

⁶⁸ Алкафой — мифический царь Мегары (греческой, пеласгийской, а не сицилийской), где рос отличный чеснок.

⁶⁹ Гиметтская гора — в Аттике (ср. «Лекарство от любви», 797 сл.).

440 Изнемогая, лежит, скрывшись под пеплом седым,
Но поднеси ему серы — и новым он пламенем вспыхнет,
И засияет опять ярко, как прежде сиял,—
Так и душа замирает порой в нетревожимой лени:
Острым кресалом ударь, чтоб разгорелась любовь!
445 Пусть изведает страх, пусть теплая станет горячей.
Пусть побледнеет в лице, мнимой измены страшась!
О, четырежды счастливы, о, неисчетно блаженны
Те, чья обида могла милую деву задеть,
Чтобы она, об измене твоей услышав боязливо,
450 Бедная, пала без чувств, бледная, пала без слов!
Мне бы такую любовь, чтоб, ревнуя, меня не жалела,
Чтобы ногтями рвалась и к волосам и к щекам,
Чтобы взглянула — и в плач, чтоб яростным взором сверкала,
Чтоб ни со мной не могла, ни без меня не могла!
455 Спросишь, а долго ли ей о тебе стенать и метаться?
Нет: подолгу томясь, слишком накопится гнев.
Ты ее пожалей, обвей ее белую шею,
Пусть она, плача, к твоей жаркой приникнет груди;
Слезы уйми поцелуем, уйми Венериной лаской —
460 Так, и только так, миром закончится брань.
Вволю побуйствовать дай, дай ненависть вылить воочью
И укроти ее пыл миром на ложе утех.
Там — согласия храм, там распря слагает оружие,
Там для блага людей в мир рождена доброта.
465 Так, побранясь, голубок и голубка сольются устами
И заворкуют вдвоем, нежную ласку суля.

В первоначальные дни всё смешано было в природе:
Звезды, море, земля — всё это было одно.
Время, однако, пришло, и хаос разъялся бесплодный:
470 Небо возшло над землей, сушу вода облегла,
Лес населило зверье, воздух принял летучую птицу,
Стаи чешуйчатых рыб скрылись в текучей воде.
Род человеческий тогда бродил по степям одиноким,
Грубым телом могуч, полон нетраченных сил:
475 Лес ему — дом, трава ему — корм, листва ему — ложе;
И человека не мог, встретясь, узнать человек.
Но, говорят, укротила любовь их дикие души —
Там, где друг с другом сошлись женский и мужеский род.
Что они делали, в том ненадобен был им наставник:
480 И без науки любовь сладкий вершила их труд.
Птица с птицей в любви; меж рыб, в пучинах живущих,
Для обоюдных услад самка находит самца;
Лань за оленем идет; змея пленяется змеем;
Даже собаку и пса вяжет любовная связь;
485 Рада барану овца; быком наслаждается телка;
Для плосконосой козы сладок нечистый козел;
И за своим жеребцом кобылица, беснуясь, несется
Через просторы полей и преграждающих рек.
Будь же смелей! Чтобы боль укротить красавицы гневной,
490 Из всевозможных лекарств лучшее есть при тебе.
Это лекарство сильнее Махаоновых зелий целебных,
Чем прогневил госпожу, тем же прощенье добудь.

Так я пел мою песнь; вдруг вижу я лик Аполлона,
Вижу, касается он лиры своей золотой;
495 Лавры в простертой руке, и лавром увенчан священный
Лоб: певец и пророк взорам моим предстоит.
И возвещает он так: «Шаловливый наставник влюбленных!
Путь питомцев своих к храму направь моему,
К храму, где письмена, по всему знаменитые миру,

500 Всем приходящим гласят: всяк да познает себя!⁷⁰
Только познавший себя умеет любить умудренно,
Только ему и дано вымерить труд по плечу.
Кто от природы красив, пускай красотой щеголяет,
В ком благородный загар — плечи умеи показать,
505 Кто хорошо говорит, тот не будь молчаливым в собрание,
Петь ли умеешь — так пой, пить ли умеешь — так пей!
Только оратор пускай не вставляет речей в разговоры
И полоумный поэт не произносит стихов.
Так заповедует Феб — покорствуйте Фебовой воле!
510 Только правдивая речь льется из божеских уст.
Я же продолжу свой путь — чтобы ты, умудренный любовник,
Нашу науку познав, с верной добычей ушел.

Нам не всегда борозда возвращает посеы сторицей,
И не всегда кораблям веет попутный Зефир:
515 Радостей мало дано, а горестей много влюбленным —
Будь же готов претерпеть все, что тебе предстоит!
Сколько над Гиблою пчел⁷¹, сколько зайцев на горном Афоне,
Сколько синих маслин древо Минервы⁷² дарит,
Сколько на взморье песка, столько муки в любовной заботе —
520 Желчью напоены жала, язвящие нас.
Вот тебе говорят: «Ее нет», — а ты ее видел.
Что же, не верь глазам и восвояси ступай.
Вот, обещав тебе ночь, заперла она дверь перед носом —
Так у порога в грязи целую ночь и лежи.
525 Лгунья рабыня и та, оглядев тебя взглядом надменным,
Спросит: «Кто там залег, дом наш в осаде держа?»

Что ж, к косякам и к красавице злой обращай свои просьбы
И, расплетя свой венок, розы рассыпь на порог.
Скажет: «Приди», — ты придешь, а скажет: «Уйди», — уберешься.
530 Ты ведь не грубый мужик, чтоб докучать ни за что!
Разве приятно тебе услыхать: «Какой ты несносный!»?
Нет, уж лучше терпеть: жди и дождись своего.
А до поры не считай за позор ни брань, ни побои,
И, перед милой склонясь, нежные ножки целуй.

535 Хватит с меня мелочей! Великого сердце взыскует.
Высшую песнь завожу: люди, внимайте певцу!
Пусть непомерен мой труд — в непомерном рождается подвиг!
Только великих трудов хочет наука моя.
Видишь соперника — будь терпелив: и победа твоею
540 Станет, и ты, победив, справишь победный триумф.
Это не смертный тебе говорит, а додонское древо⁷³:
Верь, из уроков моих это главнейший урок.
Милой приятен соперник? Терпи. Он ей пишет? Пусть пишет.
Пусть, куда хочет, идет; пусть, когда хочет, придет.
545 Так и законный супруг угождает законной супруге,
И помогает ему, нежно присутствуя, сон.
Сам я, увы, признаюсь, в искусстве таком неискусен,

⁷⁰ Всяк да познает себя — знаменитая надпись на дельфийском храме «Познай самого себя».

⁷¹ Гибла в Сицилии славилась пчелиным медом.

⁷² Древо Минервы — олива.

⁷³ Додонское древо — дуб, по шелесту которого жрецы Зевса давали предсказания.

Сам в науке моей тут я плохой ученик.
 Как? У меня на глазах соперник кивает подруге,
550 Я же терпи и не смей выразить праведный гнев?
 Поцеловал ее друг, а я от этого в ярость,—
 Ах, какой я подчас варвар бываю в любви!
 Дорого, дорого мне обходилось мое неуменье —
 Право, умней самому друга к подруге ввести!
555 Ну, а лучше всего не знать ничего и не ведать,
 Чтоб не пришлось ей скрывать вымыслом краску стыда.
 Нет, не спешите подруг выводить на чистую воду:
 Пусть грешат и, греша, верят, что скрыты грехи.
 Крепнет любовь у изловленных: те, что застигнуты вместе,
560 Рады и дальше делить общую участь свою.
 Всем на Олимпе знаком рассказ о том, как когда-то
 Марс и Венера вдвоем пали в Вулканову сеть.
 Марс-отец, обуянный к Венере безумной любовью,
 Из рокового бойца нежным любовником стал.
565 И не отвергла его, не была жестокой и грубой
 К богу, ведущему в бой, та, что нежней всех богинь.
 Ах, как часто она, говорят, потешалась над мужем,
 Над загрубелой рукой и над хромою стопой!
 Сколько раз перед Марсом она представляла Вулкана!
570 Это ей было к лицу: прелесть мила в красоте.
 Но поначалу они умели скрывать свои ласки
 И в осторожном стыде прятали сладость вины.
 Солнце о них донесло — возможно ли скрыться от Солнца?
 Стала измена жены ведома богу огня.
575 Солнце, Солнце! зачем подавать дурные примеры?
 Есть и молчанью цена — рада Венера платить.
 Мультибер⁷⁴ тайную сеть, никакому не зримою оку,
 Петля за петлей сплетя, вскинул на ложе богов.
 К Лемносу вымышлен путь⁷⁵; любовники мчатся к объятью
580 И в захлестнувшем силке оба, нагие, лежат.
 Муж скликает богов; позорищем пленные стали;
 Трудно богине любви слезы в глазах удержать.
 Ни заслонить им глаза от стыда, ни скромную руку

 Не поднести на беду к самым нескромным местам.
585 Кто-то, смеясь, говорит: «Любезный Марс-воеватель,
 Если в цепях тяжело, то поменяйся со мной!»
 Еле-еле Вулкан разомкнул их по просьбе Нептуна;
 Мчится Венера на Кипр; мчится во Фракию Марс.
 С этих-то пор что творилось в тиши, то творится открыто:
590 Ты, Вулкан, виноват в том, что не стало стыда!
 Ты ведь и сам уж не раз признавался в своем неразумье,
 Горько жалея, что так был и умен и хитер.
 Помните этот запрет! Запретила влюбленным Диона
 Против других расставлять сети, знакомые ей!
595 Не замышляйте ж и вы на соперника хитростей тайных
 И не вскрывайте писем, писанных скрытной рукой.
 Пусть вступившие в брак, освященный огнем и водою⁷⁶,
 Пусть их ловят мужа, ежели сами хотят!
 Я же повторно клянусь, что пишу лишь о том, что законно,

⁷⁴ Мультибер — одно из имен Вулкана.

⁷⁵ Лемнос — место культа Вулкана, Кипр — Венеры, Фракия — Марса.

⁷⁶ Огонь и вода вручались при официальной брачной церемонии невесте, вступающей в дом жениха.

600 И что замужней жене шутка моя не указ.

Кто невегласам раскрыть посмеет святыни Цереры

Или таимый обряд самофракийских жрецов?⁷⁷

Невелика заслуга молчать о том, что запрещено,

Но велика вина этот нарушить запрет.

605 Ах, поделом, поделом нескромный терзается Тантал

Жаждой в текучей воде меж неприступных плодов!

Пуще всего Киферея велит хранить свои тайны:

Кто от природы болтлив, тот да не близится к ней!

Не в заповедных ларцах Кипридины таинства скрыты,

610 В буйном они не гремят звоне о полу ю медь⁷⁸,—

Нет, между нами они, где сошлись человек с человеком,

Но между нами они не для показа живут.

Даже Венера сама, совлекши последние ткани,

Стан наклоняет, спеша стыд свой ладонью затмить.

615 Только скотина скотину у всех на глазах покрывает,

Но и от этой игры дева отводит глаза.

Нашей украдке людской запертые пристали покои,

Наши срамные места скрыты под тканью одежд;

Нам соблазнительн мрак и сумрак отраден туманный —

620 Слишком ярок для нас солнцем сверкающий день.

Даже и в те времена, когда от дождя и от зноя

Крыши не знал человек, ел под дубами и спал,—

Даже тогда сопрягались тела не под солнечным небом:

В рощах и гротах искал тайны пещерный народ.

625 Только теперь мы в трубы трубим про ночные победы,

Дорого платим за то, чтоб заслужить похвальбу.

Всякий и всюду готов обсудить любую красотку,

Чтобы сказать под конец: «Я ведь и с ней ночевал!»

Чтоб на любую ты мог нескромным показывать пальцем,

630 Слух пустить о любой, срамом любую покрыть,

Всякий выдумать рад такое, что впору отречься:

Если поверить ему — всех перепробовал он!

Если рукой не достать — достанут нечистою речью,

Если не тронули тел — рады пятнать имена.

635 Вот и попробуй теперь, ненавистный влюбленным ревнивец,

Деву держать взаперти, на сто затворов замкнув!

Это тебя не спасет: растлеается самое имя,

И неудача сама рада удачей прослыть.

Нет, и в счастливой любви да будет язык ваш безмолвен,

640 Да поживает на вас тайны священный покров.

Больше всего берегись некрасивость заметить в подруге!

Если, заметив, смолчишь,— это тебе в похвалу.

Так Андромеду свою никогда ведь не звал темнокожей

Тот, у кого на стопах два трепетали крыла;

645 Так Андромаха иным полновата казалась не в меру —

Гектор меж всеми один стройной ее находил.

Что неприятно, к тому привыкай: в привычке — спасенье!

Лишь поначалу любовь чувствует всякий укол.

Свежую ветку привей на сук под зеленую кожу —

650 Стоит подуть ветерку, будет она на земле;

Но погоди — и окрепнет она, и выдержит ветер,

⁷⁷ Элевсинские таинства Деметры-Цереры (в Аттике) и таинства подземных богов на Самофракии (в Эгейском море) принадлежали к самым почитаемым в Греции. [Невеглас (устар.) — невежда. — S.O.]

⁷⁸ В заповедных ларцах хранились символы тайных культов, звоном меди сопровождалась некоторые обряды в восточных мистериях.

И без надлома снесет бремя заемных плодов.
Что ни день, то и меньше в красавице видно ущерба:
Где и казался изъян, глядь, а его уж и нет.
655 Для непривычных ноздрей отвратительны шкуры воловы,
А как привыкнет чутье — сколько угодно дыши.
Скрасить изъян помогут слова⁷⁹. Каштановой станет
Та, что чернее была, чем иллирийская смоль;
Если косит, то Венерой зови; светлоглаза — Минервой;
660 А исхудала вконец — значит, легка и стройна;
Хрупкой назвать не ленись коротышку, а полной — толстушку,
И недостаток одень в смежную с ним красоту.

Сколько ей лет, при каких рождена она консулах, — это
Строгий должен считать цензор⁸⁰, а вовсе не ты;
665 И уж особенно — если она далеко не в расцвете
И вырывает порой по волоску седину.
Но и такую порой и порой еще более поздней
Вы не гнушайтесь, юнцы: щедры и эти поля!
Будет срок — подкрадется и к вам сутулая старость;
670 Так не жалейте трудов в силе своей молодой!
Или суда по морям, или плуги ведите по пашням,
Или воинственный меч вскиньте к жестоким боям,
Или же мышцы, заботу и труд сберегите для женщин:
Это ведь тоже война, надобны силы и здесь.
675 Женщина к поздним годам становится много искусней:
Опыт учит ее, опыт, наставник искусств.
Что отнимают года, то она возмещает стараньем;
Так она держит себя, что и не скажешь: стара.
Лишь захоти, и такие она ухищренья предложит,
680 Что ни в одной из картин столько тебе не найти.
Чтоб наслажденья достичь, не надобно ей подогрева:
Здесь в сладострастье равны женский удел и мужской.
Я ненавижу, когда один лишь доволен в постели
(Вот почему для меня мальчик-любовник не мил),
685 Я ненавижу, когда отдается мне женщина с виду,
А на уме у нее недопряженная шерсть;
Сласть не в сласть для меня, из чувства даримая долга, —
Ни от какой из девиц долга не надобно мне!
Любо мне слышать слова, звучащие радостью ласки,
690 Слышать, как стонет она: «Ах, подожди, подожди!»
Любо смотреть в отдающийся взор, ловить, как подруга,
Изнемогая, томясь, шепчет: «Не трогай меня!»
Этого им не дает природа в цветущие годы,
К этому нужно прийти, семь пятилетий прожив.
695 Пусть к молодому вину поспешает юнец торопливый —
Мне драгоценнее то, что из старинных амфор.
Нужно платану дозреть, чтобы стал он защитой от солнца,
И молодая трава колет больнее ступню.
Ты неужели бы мог предпочесть Гермionу Елене,
700 И неужели была Горга красивей, чем мать?⁸¹
Нет: кто захочет познать утехи поздней Венеры,
Тот за усилие свое будет стократ награжден.

⁷⁹ Образец этих строк Овидия — Лукреций, IV, 1160—1169.

⁸⁰ Цензор в Риме — высшее должностное лицо, составляющее списки полноправных граждан.

⁸¹ Горга — дочь Алфеи, сестра Мелеагра, упоминается в «Метаморфозах», VIII,

Но наконец-то вдвоем на желанном любовники ложе:

Муза, остановись перед порогом Любви!

705 И без тебя у них потекут торопливые речи,

И для ласкающих рук дело найдется легко.

Легкие пальцы отыщут пути к потаенному месту,

Где сокровенный Амур точит стрелу за стрелой.

Эти пути умел осязать в своей Андромахе

710 Гектор, ибо силен был он не только в бою;

Эти пути могучий Ахилл осязал в Брисеиде

В час, как от ратных трудов шел он на ложе любви.

Ты позволяла себя ласкать, Лирнессийская дева,

Пальцам, покрытым еще кровью фригийских бойцов;

715 Или, быть может, тебе, сладострастная, это и льстило —

Чувствовать телом своим мощь победительных рук?

Но не спеши! Торопить не годится Венерину сладость:

Жди, чтоб она, не спеша, вышла на вкрадчивый зов.

Есть такие места, где приятны касания женам;

720 Ты, ощутив их, ласкай: стыд — не помеха в любви.

Сам поглядишь, как глаза осветятся трепетным блеском,

Словно в прозрачной воде зыблется солнечный свет,

Нежный послышится стон, сладострастный послышится ропот,

Милые жалобы жен, лепет любезных забав!

725 Но не спеши распускать паруса, чтоб отстала подруга,

И не отстань от нее сам, поспешая за ней:

Вместе коснитесь черты! Нет выше того наслажденья,

Что простирает без сил двух на едином одре!

Вот тебе путь, по которому плыть, если час безопасен,

730 Если тревожащий страх не побуждает: «Кончай!»

А пред угрозой такой — наляг, чтобы выгнулись весла,

И, отпустив удила, шпорой коня торопи.

Труд мой подходит к концу. Вручите мне, юные, пальму,

И для душистых кудрей миртовый свейте венок!

735 Был Подалирий велик врачевством меж давних данаев,

Мощною дланью — Ахилл, Нестор — советным умом,

Чтением в грядущем — Калхант, мечом и щитом — Теламонид,

Автомедонт — при конях, я же — в Венере велик.

Юные, ваш я поэт! Прославьте меня похвалою,

740 Пусть по целой земле имя мое прогремит!

Вам я оружие дал, как Вулкан хромоногий — Ахиллу:

Как победил им Ахилл, так побеждайте и вы.

Но не забудь, победитель, повергнув под меч амазонку,

В надписи гордой сказать: «Был мне наставник Назон».

745 Но за мужами вослед о науке взывают и девы.

Вам я, девы, несу дар моих будущих строк.

Книга третья

Дал я данайцам разить амазонок, теперь амазонкам,

Пентесилея⁸², твоим должен я вверить мечи.

Равными будьте в борьбе, а победу укажет Диона

И легкокрылый Амур, в миг облетающий мир.

5 Несправедливо идти с оружием на безоружных,

И недостойны мужчин лавры подобных побед.

Может быть, скажут: «Зачем волчицу вести на овчарню

⁸² Пентесилея — царица амазонок, пришедших на помощь Трое.

И ядовитой змее новый указывать яд?»
Это не так; не спешите же многих винить за немногих,
10 Каждой женщине будь честь по заслугам ее.
Да, и младший Атрид, и старший Атрид, без сомненья,
Могут Елену винить и Клитемнестру винить;
Да, Оиклид по вине Эрифилы, рожденной Талаем,
Сам живой, на живых к мертвым спустился конях⁸³;
15 Но Пенелопа ждала, далекому верная мужу,
Десять битвенных лет, десять скитальческих лет;
Но Филакиду жена попутчицей стала в кончине
И за супругом вослед в юных угасла годах;
Но в пагасейском доме спасла Феретова сына
20 И заменила жена мужа на смертном одре⁸⁴;
Но: «Не покинь, Капаней! Прах с прахом смешаем!» — сказала
Так Ифиада⁸⁵, всходя на погребальный костер.
Слово само «добродетель» есть женского рода и вида —
Так мудрено ль, что она женскому роду близка?

25 Впрочем, подобным сердцам не надобна наша наука,
И не настолько велик парус на нашем челне:
Лишь о нетрудной любви говорится в моих наставленьях —
Женщинам это урок, как сохранить им любовь.
Женщине лук не с руки, не жжет она факелом ярым:
30 Женские стрелы с трудом ранят мужские сердца.
Част в мужчинах обман, но редок в юных подругах —
Как ни старайся, тебе не за что их упрекнуть.
Это Ясон обманул детей своих мать, Фасианку,
Ибо в объятья свои новую принял жену!
35 Из-за тебя, Тесей, Ариадна лежала, страдая,
Там, на пустом берегу, снедью для чаек морских!
Спросишь про Девять путей, откуда такое название?
Скажут: Филлиду любя, рощи рыдали о ней!
Гость, который в молве слышет образцом благочестья,
40 Меч Элиссе вручив, сам ее бросил на меч!
В чем причина всех бед? Науки любить вы не знали!
Вы не учились, а страсть только наукой крепка.
Быть бы в неведенье вам и досель, — но вот Киферея,
Вдруг предо мною представ, мне заповедала так:
45 «Чем виноваты, скажи, злополучные девы и жены,
Что безоружный их сонм предан оружию мужчин?
Были наукой мужчин две тобой сочиненные книги —
Ныне наука твоя женщинам помощью будь.
Помнишь, как древний певец, позором ославив Елену,
50 Вскоре пропел ей хвалу, пушью славу стяжав?⁸⁶
Ты уж давно мне знаком — так избавь от страданий красавиц!
И благодарностью их счастливы ты будешь вовек».
Эти промолвив слова, богиня, венчанная миртом,
Мне, певцу, подала семя и лист из венка.

83 Оиклид — Амфиарай, поглощенный землей после поражения в походе семерых против Фив.

84 Феретов сын — Адмет, фессалийский царь (Пагасы — гавань в Фессалии), которого заменила в смерти его жена Алкестида.

85 Ифиада — Евадна, дочь Ифиса, жена Капанея, одного из «семерых против Фив».

86 Древний певец — лирик VI в. до н. э. Стесихор; он написал песнь, оскорбившую Елену, и был наказан слепотой; тогда он написал другую песнь, «палинодию», и прозрел.

55 Благоговейно их взяв, я восчувствовал божию силу:
Светом эфир просиял, бремя упало с души.
Дар мой — дар божества! Поспешайте же, девы, к уроку,
Ежели вам не в запрет званья, законы и стыд.
Не забывайте, что вас ожидает грядущая старость —

60 Дорого время любви, даром не тратьте ни дня.
Радуйтесь жизни, пока в цвету весенние годы:
Время быстрее бежит, чем торопливый поток.
Ни миновавшей волны не воротит речное течение,
Ни миновавшего дня времени бег не вернет.

65 Пользуйся, годы не ждут, скользя в легкокрылом полете:
Радости ранней поры поздней порой не придут.
Эти седые кусты я видел в фиалковом цвете,
С этих колючих шипов рвал я цветы для венка.
Ты, что нынче строга к влюбленным поклонникам, вспомни:

70 Горько старухою стыть на одиноком одре!
Не затрещит твоя дверь под напором ночного гуляки,
Не соберешь поутру россыпи роз под окном.
Ах, как легко, как легко морщины ложатся на кожу,
Как выцветает у нас нежный румянец лица!

75 Прядь, о которой клялась ты: «Была она с детства седою!» —
Скоро по всей голове густо пойдет сединой.
Змеи старость свою оставляют в сброшенной коже,
Вместе с рогами олень ношу снимает годов;
Только нам облегчения нет в непрерывных утратах —

80 Рвите же розы, пока в прах не опали они!
Да и рождая детей, становится молодость старше:
Жатву за жатвой даря, изнемогают поля.
Разве стыдится Луна латвийского Эндимиона?
Разве позорен Кефал розовоперстой Заре?

85 Та, от кого рождены Эней и Гармония миру,
Разве досель не грустит об Адонисе-ловце?
Смертные жены, для вас пример указуют богини:
Не отвечайте же «нет» жадным желаньям мужским!
Страшно обмана? Зачем? Все ваше останется с вами:

90 Не убывает оно, сколько его ни бери.
Сточится сталь сошника, обкатаются камни о камни,
Но не иссякнет одно — то, чем дается любовь.
Разве кто запретит огню от огня зажигаться
Или возьмет под замок воду в пучинах морей?

95 Так почему же твердит красавица другу: «Не надо»?
Надо ли воду жалеть, ежели вдоволь воды?
Я не к тому ведь зову, чтобы всем уступать без разбора,
Я лишь твержу: не скупись! Твой безубыточен дар.
В дальнем пути мой корабль ожидает неслабого ветра,

100 А для начала пути в пользу и легкий Зефир.
Это начало — уход за собой. На ухоженной пашне
Веюду щедрее зерно, в грозди ухоженной — хмель.
Божий дар — красота; и если прикинуть без лести,
То ведь придется признать: дар этот есть не у всех.

105 Нужен уход красоте, без него красота погибает,
Даже если лицом схожа с Венерой самой.
Если красавицы давних времен за собой не следили,
Были причиной тому грубые вкусы мужей.
Ежели толстый хитон случалось надеть Андромаше,

110 Что из того? У нее муж был суровый боец.
Разве могла бы жена, разубравшись, предстать пред Аяксом,
Перед Аяксом, чей щит семь покрывали быков?
Век простоты миновал. В золотом обитаем мы Риме,
Сжавшем в мощной руке все изобилье земли.

115 На Капитолий взгляни; подумай, чем был он, чем стал он:
Право, как будто над ним новый Юпитер царит!

Курия стала впервые достойной такого сената,—
 А когда Татий царил, хижинной утлой была;
 Фебу и нашим вождям засверкали дворцы Палатина⁸⁷
120 Там, где прежде поля пахотных ждали волов.
 Пусть другие поют старину, я счастлив родиться
 Ныне, и мне по душе время, в котором живу!
 Не потому, что земля щедрей на ленивое золото,
 Не потому, что моря пурпуром пышным дарят,
125 Не потому, что мраморы гор поддаются железу,
 Не потому, что из волн крепкий возвысился мол,—
 А потому, что народ обходительным стал и негрубым,
 И потому, что ему ведом уход за собой.
 Так не вдевайте же в уши себе драгоценные камни,
130 Те, что в зеленой воде черный находит индус;
 Не расшивайте одежд золотыми тяжелыми швами —
 Роскошь такая мужчин не привлечет, а спугнет.
 Нет, в красоте милей простота. Следи за прической —
 Здесь ведь решает одно прикосновение руки! —
135 И не забудь, что не все и не всех одинаково красит:
 Выбери то, что к лицу, в зеркало глядя, проверь.
 К длинным лицам идет пробор, проложенный ровно:
 У Лаодамии так волос лежал без прикрас.
 Волосы в малом пучке надо лбом и открытые уши —
140 Эта прическа под стать круглому будет лицу.
 Можно на оба плеча раскинуть далекие кудри,
 Как их раскидывал Феб, лиру певучую взяв;
 Можно связать их узлом на затылке, как дева Диана,
 Что, подпоясав хитон, гонит лесное зверье;
145 Этой к лицу высокий начес, чем пышнее, тем лучше,
 Та — волосок к волоску пряди уложит плотней;
 Этой будет хорош черепаховый гребень Киллены⁸⁸,
 Той — широкий поток вольных волнистых волос.
 Но как нельзя на ветвистом дубу желудей перечислить,
150 Пчел на Гиблейских лугах, зверя в Альпийских горах,
 Так нельзя перечесть, какие бывают прически —
 С каждым новым мы днем новые видим вокруг!
 А для иных хороша и небрежность: чтоб ты причесалась
 Утром сегодня — но пусть кажется, будто вчера!
155 Так безыскусно искусство. Такою увидел Иолу
 И произнес Геркулес: «Вот оно, счастье мое!»
 Вахх такую тебя вознес на свою колесницу,
 Дева Кносской земли, в кликах сатиров своих.
 О, как природа щедра к красоте и девичьей и женской,
160 Сколько дает она средств всякий урон возместить!
 Этого нам не дано, мужчинам, и жадная старость
 Нам обнажает чело, словно деревья Борей.
 Ну, а у женщины есть для седин германские травы,
 Соком которых она станет темней, чем была;
165 Женщина может купить накладные густейшие кудри
 И по доступной цене сделать чужое своим;
 В этом не видят они никакого стыда, и торговля
 Бойко идет на глазах у Геркулеса и Муз⁸⁹.

⁸⁷ Палатин — холм в Риме, где Августом в ознаменование победы при Акции был построен храм Аполлона Палатинского; там же находился императорский дом.

⁸⁸ Киллена — аркадская гора, где младенец Гермес из черепахового панциря сделал первую лиру.

⁸⁹ ...у Геркулеса и Муз. — Римский храм Геркулеса и Муз находился близ Фламиниева цирка.

Нужно ли мне говорить и о платье? И здесь бесполезно
170 И золотое шитье, и финикийский багрец.
 Право, безумно таскать на себе все свое состоянье,
 Ежели столько вокруг красок дешевле ценой!
 Вот тебе цвет прозрачных небес в безоблачный полдень,
 В час, когда солнечный Австр не угрожает дождем;
175 Вот тебе цвет святого руна, на котором когда-то
 Фрикс и Гелла спаслись от раздраженной Ино;
 Вот тебе ткань, чей цвет — как волна, чье имя — морское⁹⁰, —
 Верю, одеты в нее нимфы в пучинах зыбей;
 В этой сияет шафран (не таким ли сияет шафраном
180 Росной Авроры восход на светоносных конях?);
 В этой — пафосские мирты⁹¹, а в той — белоснежные розы,
 Та — аметистом цветет, та — журавлиным пером;
 Не позабыт ни миндаль, ни твой, Амариллида, желудь,
 Воск пчелиный — и тот ткани название дал.
185 Сколько рождает цветов весною земля молодая,
 Сонную зиму прогнав, каждой лозою цветя, —
 Столько и больше того есть красок на женских одеждах,
 Только умей распознать, что кому больше к лицу.
 Белой коже — черная ткань: такова Бризеида —
190 В черной одежде ее быстрый похитил Ахилл.
 Темной коже — белая ткань: прекрасная в белом,
 Так на скалистый Сериф вышла Кефеева дочь⁹²...

Я уж хотел продолжать, чтобы потом не пахли подмышки,
 И чтобы грубый не рос волос на крепких ногах, —
195 Но ведь уроки мои не для женщин Кавказских ущелий
 И не для тех, чьи поля поит мизийский Каик!⁹³
 Право, тогда почему не добавить бы: чистите зубы
 И умывайте лицо каждое утро водой?
 Сами умеете вы румянец припудривать мелом,
200 Сами свою белизну красите в розовый цвет.
 Ваше искусство заполнит просвет меж бровью и бровью,
 И оттенит небольшой мушкой кожу щеки.
 Нет ничего дурного и в том, чтоб подкрашивать веки
 В нежный пепельный цвет или в киднийский шафран⁹⁴.
205 Есть у меня о таких предметах особая книга⁹⁵, —
 Хоть небольшая, она стоила многих трудов;
 Там вы найдете совет и о том, как поправить осанку —
 Верьте, в науке моей не позабыто ничто.

Но красота милей без прикрас — поэтому лучше,
210 Чтобы не видели вас за туалетным столом.
 Не мудрено оробеть, увидя, как винное сусло,

⁹⁰ Ткань *sumatile* (от греческого слова «волна») упоминается еще у Плавта.

⁹¹ Пафосские мирты. — Пафос — центр культа Афродиты на Кипре.

⁹² Кефеева дочь — Андромеда, привезенная Персеем из Эфиопии на остров Сериф.

⁹³ Мизийский Каик — река в Малой Азии.

⁹⁴ Киднийский шафран. — Кидн — река там же.

⁹⁵ Особая книга — «Средства для лица», поэма Овидия, начало которой сохранилось.

Вымазав деве лицо, каплет на теплую грудь!
 Как отвратительно пахнет тот сок, который в Афинах
 Выжат из грязных кусков жирной овечьей шерсти!
215 Я на глазах у мужчин не сосал бы косточки ланьей,
 Я у мужчин на глазах чистить не стал бы зубов,—
 То, что дает красоту, само по себе некрасиво:
 То, что в работе,— претит, то, что сработано,— нет.
 Это литье, на котором красуется подпись Мирона,
220 Прежде являло собой медный бесформенный ком;
 Это кольцо, чтобы стать кольцом, побывало в расплаве;
 Ткань, что надета на вас, грязною шерстью была;
 Мрамора грубый кусок Венерою стал знаменитой,
 Чья отжимает рука влагу из пенных волос,—
225 Так же и ты выходи напоказ лишь во всем совершенстве:
 Скрой свой утренний труд, спящей для нас притворись.
 Надо ли мне понимать, отчего так лицо твое бело?
 Нет, запри свою дверь, труд незаконченный спрячь.
 Что не готово, того не показывай взгляду мужскому —
230 Многих на свете вещей лучше им вовсе не знать.
 Весь в золотых скульптурах театр — но взглядишь, и увидишь,
 Как деревянный чурбан тоненьким золотом крыт.
 К ним не дают подходить, покуда они не готовы —
 Так, вдалеке от мужчин, строй и свою красоту.
235 Волосы — дело другое. Расчесывай их беззапретно
 И перед всеми раскинь их напоказ по плечам.
 Только спокойною будь, сдержись, коли станешь сердиться,
 Не заставляй без конца их расплетать и сплетать!
 Пусть служанка твоя от тебя не боится расправы:
240 Щек ей ногтями не рви, рук ей иглой не коли,—
 Нам неприятно смотреть, как рабыня, в слезах и в уколах,
 Кудри должна завивать над ненавистным лицом.
 Если же мало красы в волосах твоих — дверь на запоры,
 Будь твоя тайна святей тайн Благодатных Богинь!⁹⁶
245 Помню, подружке моей обо мне доложили внезапно —
 Вышла красотка, парик задом надев наперед.
 Злейшим лишь нашим врагам пожелаю подобного срама,
 Пусть на парфянских девиц этот позор упадет!
 Стыдно быку без рогов и стыдно земле без колосьев,
250 Стыдно кусту без листвы, а голове без волос.
 Вы не мои ученицы, увы, Семела и Леда,
 Мнимый Сидонянку⁹⁷ бык по морю вез не ко мне;
 Не о Елене пекусь, которую так домогались
 Умный супруг — воротить, умный Парис — сохранить;
255 Нет, меж моих учениц есть получше лицом, есть похуже,—
 Тех, что похуже лицом, больше бывает всегда.
 Те, что собой хороши, моей не прельстятся наукой:
 Данная им красота и без науки сильна.
 Ежели на море тишь — моряк беззаботно отважен,
260 Ежели вздулись валы — помощь нужна моряку.
 Редко встречаешь лицо без изъяна. Скрывайте изъяны
 В теле своем и лице, если под силу их скрыть!
 Если твой рост невелик и сидящей ты кажешься, стоя,
 Вправду побольше сиди или побольше лежи;
265 А чтобы, лежа, не дать измерять себя взорам нескромным,
 Ты и на ложе своем тканями ноги прикрой.

⁹⁶ Благодатная Богиня — божество римского культа, к которому мужчины не имели доступа (см. «Фасты», V, 148).

⁹⁷ Сидонянка — Европа, дочь финикийского царя Агенора.

Если ты слишком худа, надевай потолще одежду
И посвободней раскинь складки, повисшие с плеч;
Если бледна, то себя украшай лоскутами багрянца,
270 Если смугла — для тебя рыбка на Фаросе есть⁹⁸.
Ножку нескладного вида обуй в башмачок белоснежный;
Голень, что слишком худа, всю ремешками обвей.
Слишком высокие плечи осаживай тонкой тесьмою;
Талию перетянув, выпуклей сделаешь грудь.
275 Меньше старайся движеньями рук помогать разговору,
Ежели пальцы толсты или же ноготь кривой.
Не говори натошак, если дух изо рта нехороший,
И постарайся держать дальше лицо от лица.
А у которой неровные, темные, крупные зубы,
280 Та на улыбку и смех вечный положит запрет.

Трудно поверить, но так: смеяться — тоже наука,
И для красавицы в ней польза немалая есть.
Рот раскрывай не во всю ширину, пусть будут прикрыты
Зубы губами, и пусть ямочкой ляжет щека.
285 Не сотрясай без конца утробу натужливым смехом —
Женственно должен звучать и легкомысленно смех.
А ведь иная, смеясь, неумело коверкает губы,
А у иной, на беду, смех на рыданье похож,
А у иной получается смех завыванием грубым,
290 Словно ослица ревет, жернов тяжелый взвалив.
Что не подвластно науке? И смех подвластен, и слезы —
Каждая знает для слез время, и меру, и вид.
Ну, а что уж о том говорить, как нарочно картавят
И по заказу язык нужный коверкает звук?

295 Этот невнятный лепечущий выговор — тоже ведь мода:
Нужно учиться болтать хуже, чем можешь болтать.
Все, что на пользу вам может пойти, на заметку берите:
Нужно бывает подчас даже учиться ходить.
Женская поступь — немалая доля всей прелести женской,
300 Женскою поступью нас можно привлечь и спугнуть.
Вот выступает одна, развеваются складки туники,
Важно заносит ступню, ловким бедром шевелит;
Вот другая бредет, как румяная умбрская баба⁹⁹,
И отмеряет шаги, ноги расставив дугой;
305 Эта — слишком груба, а эта — изнежена слишком:
Что ж, как во всем, так и здесь верная мера нужна.
Но непременно сумей обнажить свою левую руку —
Локоть открой напоказ, ниже плеча и плечо.
Это я вам говорю, у которых белая кожа:
310 Каждый к такому плечу рад поцелуем припасть.

В дальних когда-то морях чудовища жили сирены
И завлекали суда пением звонким своим.
Отпрыск Сизифа Улисс меж замкнувшими уши единый
Пути едва не порвал, их услышав голоса.
315 Славная пение вещь: учитесь пению, девы!
Голосом часто берет та, что лицом не берет.
Пробуйте голос на песнях, которые петы в театрах
Или которые к нам с нильских пришли берегов¹⁰⁰.

⁹⁸ Фарос — остров в александрийском порту; о какой рыбке идет речь, неизвестно.

⁹⁹ Умбрская баба. — Умбрия — горная область в средней Италии.

Правой рукою — за плектр, а левой рукой — за кифару,
320 Женщина, взяться умеи: вот пожеланье мое!
 Скалы и диких зверей чаровала Орфеева лира,
 И Ахеронтову зыбь, и трехголового пса;
 Сын, отомстивший за мать¹⁰¹, твоей оживленные песней
 Камни послушные шли в кладку фиванской стены;
325 Рыбу немую и ту, если давнему верить рассказу,
 Пеньем и лирной игрой славный пленил Арион,—
 Так научись же и ты на струны игривые наблы¹⁰²
 Быстрые руки бросать: набла — подруга забав.
 Знай и косского строки певца¹⁰³, и стихи Каллимаха,
330 Знай и хмельные слова музы теосских пиров¹⁰⁴,
 Знай сочиненья Сафо (что может быть их сладострастней?),
 И как хитрец продувной Гета¹⁰⁵ дурачит отца;
 С пользою можно читать и тебя, наш нежный Проперций,
 Или же ваши стихи, Галл и любезный Тибулл,
335 Или Варронов рассказ о том, как руно золотое,
 Фрикс, на горе твоей послано было сестре,
 Или о том, как скитался Эней, зачиная высокий
 Рим, — знаменитей поэм не было в Риме и нет.
 Может быть, к их именам и мое вы добавите имя,
340 Может быть, строки мои минут летейскую топь,
 Может быть, кто-нибудь скажет и так: «Не забудь и поэта,
 Что наставленья свои дал и для нас и для них,
 Три его книги возьми¹⁰⁶, любовных собрание песен,
 Выбрав, что можно из них голосом нежным прочесть,
345 Или сумей выразительно спеть одно из посланий¹⁰⁷
 Тех, которые он первым из римлян сложил».
 Пусть это сбудется! Сделайте так, дорогие Камены,
 Феб-покровитель и ты, рогом украшенный Вахх!

Далее, как не сказать, что надо уметь от застоля
350 В пляске пройтись, щегольнув ловким движением рук?
 Гибкий плясун на подмостках всегда привлекает внимание —
 Так хороша быстрота и поворотливость тел!
 О мелочах говорить не хочу — что надо и в бабках
 Толк понимать, и в игре в кости последней не быть:
355 Надобно знать, то ли трижды метнуть, то ли крепко подумать,
 Что принимать на себя, в чем, подчинясь, уступить.

100 С нильских берегов — из Александрии, города, устанавливавшего моды.

101 Сын, отомстивший за мать... — музыкант Амфион, сын Антиопы, с братом своим Зетом укрепивший Фивы.

102 Набла — многострунный восточный инструмент, на котором играли двумя руками.

103 Косский певец — Филет, обычно упоминаемый вместе с Каллимахом как зачинатель эллинистической поэзии.

104 Муза теосских пиров — поэзия теосца Анакреонта (VI в. до н. э.).

105 Гета — хитрый раб, традиционный персонаж эллинистической и римской комедии.

106 Три книги — «Любовные элегии».

107 Послания — «Героиды».

Если играешь в «разбойников», будь осмотрительна тоже¹⁰⁸.
 Пешка, встреться с двумя, сразу уходит с доски,
 Воин без пары своей и стесненный борьбу продолжает,
360 Вновь повторяя и вновь соревновательный ход.
 Гладкие шарики пусть насыплют в открытую сетку —
 По одному вынимай, не шевеля остальных.
 Есть и такая игра, где столько прочерчено линий,
 Сколько месяцев есть в быстробегущем году¹⁰⁹;
365 Есть и такая, где каждый выводит по трое шашек,
 А побеждает, кто смог в линию выстроить их.
 Много есть игр, и надо их знать красавице умной,
 Надо играть: за игрой часто рождается любовь.
 Но недостаточно быть знатоком бросков и расчетов —
370 Нужно собою владеть, это трудней и важней.
 Мы за игрой забываем себя, раскрываемся в страсти,
 Как на ладони, встает все, что у нас на душе:
 Гнев безобразный встает, и корыстолюбье бушует,
 И начинают кипеть ссоры, обиды и брань;
375 Счет на упреки идет, оглашается криками воздух,
 Каждый обиду свою гневным вверяет богам.
 Запись забыта, все рвутся, божась, к своему и к чужому,
 Слезы текут по щекам,— сам я свидетель тому.
 О, всевышний Юпитер, храни от такого позора
380 Женщин, которые ждут случая вызвать любовь.

Эти забавы природа оставила женскому полу,
 А для мужчин у нее дар оказался щедрей.
 Им развлечение — и меч, и диск, и дрот, и оружие,
 И о короткой узде конная рысь по кругам.
385 Вам же, красавицы, нет ни Марсова поля, ни Тибра,
 Ни леденящей воды, льющейся с девственных гор¹¹⁰.
 Вместо этого вам — гулять под Помпеевой тенью
 В дни, когда солнцем горит Девы небесной чело;
 Не позабудьте взойти к лавроносному Фебову храму,
390 В память о том, как в зыбях сгинул египетский флот,
 Или туда, где сестра, и жена, и зять полководца
 В честь корабельных побед вывели строй колоннад¹¹¹;
 У алтарей побывайте, где ладан дымится Исиде;
 В трех театрах¹¹² места ждут вас на самом виду;
395 Теплая кровь пятнает песок ради вашего взгляда,
 И огибает столбы бег раскаленных колес.
 Кто неприметен — безвестен; а разве безвестное любят?
 Много ли пользы в красе, если она не видна?
 Можешь в лирной игре превзойти Амебея с Фамирой¹¹³ —

¹⁰⁸ В игре в «разбойники» целью было поставить неприятельскую шашку между двумя своими, чтобы снять ее, или запереть ее в углу доски, чтобы она не могла «повторять ходы».

¹⁰⁹ Игра в «двенадцать линий» напоминала позднейший триктрак.

¹¹⁰ Вода с девственных гор — из водопровода Aqua Virgo (Вода-Дева), ведшего к Риму с Апеннин.

¹¹¹ Строй колоннад — портики Октавии, Ливии и Агриппы (зять Августа) в честь побед над Антонием и Секстом Помпеем.

¹¹² Три театра в Риме — Помпея, Марцелла и Бальба; затем речь идет об амфитеатре и о цирке.

¹¹³ Амебей — афинский кифаред III в. до н. э.; Фамира — см. прим. к «Любовным элегиям», III, VII, 61—62.

400 Если не слышат тебя, пользы от этого нет.

Если б Венеру свою Апеллес¹¹⁴ не выставил людям —
Всё бы скрывалась она в пенной морской глубине.
Мы, воспеватели тайн, к чему мы стремимся, поэты?
Слава, только она — наша заветная цель.

405 В давние дни о поэтах пеклись владыки и боги,
Песнями хоры гремя, много стяжали наград;
Было священо величье певцов, и было почтенно
Имя певцов, и к певцам грудой богатства текли.
Энний, рожденный в горах Калабрийских, нашел себе право

410 Рядом с тобой, Сципион, место в гробнице обрести¹¹⁵.

Нынче не то: поэтический плющ нигде не в почете,
Праздностью люди зовут труд для ученых Камен.
Но и теперь забываем мы сон, труждаясь для славы!
Скрой «Илиаду» — и где вся твоя слава, Гомер?

415 Скрой Данаю от глаз, чтобы дряхлою стала старухой
В башне своей, и скажи, где вся ее красота?
Вам, красавицы, вам нужны многолюдные толпы,
Нужно чаще ходить там, где теснится народ!
К целому стаду овец идет за овцою волчица,

420 В целой стае птиц ищет добычи орел.
Так и свою вы должны красоту показывать всюду,
Чтобы из многих один вашим поклонником стал.
Всюду старайся бывать, где есть кому приглянуться,
Не позабудь ничего, чтобы пленительной быть.

425 Случай — великое дело: держи наготове приманку,
И на незримый крючок клюнет, где вовсе не ждешь.
Часто ловцы по лесам понапрасну с собаками рыщут —
Вдруг неожиданно сам в сети несется олень.

Разве могла Андромеда питать хоть какую надежду,
430 Что обольстится Персей видом заплаканных глаз?
Волосы в роспуск и слезы в глазах пленяют нередко —
Плача о муже, подчас нового мужа найдешь.

Но избегайте мужчин, что следят за своей красотой,
Тех, у которых в кудрях лег волосок к волоску!

435 Что они вам говорят, то другим говорили без счета:
Вечно изменчива в них и непоседлива страсть.
Как постоянными женщинам быть, если сами мужчины
Непостояннее их, сами к любовникам льнут?

Трудно поверить, но верьте. Когда бы поверила Троя

440 Речи Кассандры своей — Трое стоять бы вовек.
Есть и такие, которым любовь — лишь покров для обмана,
Чтобы на этом пути прибылей стыдных искать.

Даже если у них ароматами кудри сияют,
Даже если башмак тонким глядит язычком,

445 Даже если на них тончайшая тога, и даже
Если на пальцах у них перстень на перстень надет, —
Все равно, меж такими, быть может, и самый учтивый —
Вор, которого жжет страсть по плащу твоему.

«Это — мое!» — лишась своего, взывают девицы;

450 «Это — мое!» — в ответ грянет им рыночный гул.
Мирно, Венера, глядишь из-под крытого золотом храма
В сонме своих Аппиад ты на такие дела.

Много по Риму имен дурною запятнаны славой —
С кем поведешься, за тех будешь страдать и сама.

¹¹⁴ Апеллес — великий живописец, автор Афродиты Анадиомены (Встающей из волн).

¹¹⁵ Бюст Энния был выставлен в склепе Сципионов.

455 Пусть чужая беда в своей вам послужит уроком:
Не открывайте дверей мужу, в чьем сердце — обман!
Пусть клянется Тесей, не внимайте ему, кекропиды,—
Боги, свидетели клятв, к клятвам привыкли таким.
Ты, Демофонт, подражая отцу, позабыл о Филлиде —
460 Как же теперь, Демофонт, верить обетам твоим?
За обещанья мужчин обещаньями, жены, платите;
Ласкою — только за дар: вот ваш устав и закон.
Женщина может украсть святыни Исидина храма,
Может у Весты огонь на очаге угасить,
465 Может мужчине подать аконит с растертой цикутой,
Если, подарки приняв, может в любви отказать!

Ближе к делу зовет меня дух. Натяни свои вожжи,
Муза, не то на скаку кони тебя сокрушат!
Есть для того, чтоб нащупывать брод, восковые таблички:

470 Их для тебя передаст верной служанки рука.
Перечитай не раз и не два, по словам догадайся,
То ли притворна любовь, то ли от сердца она.
Прежде, чем дать свой ответ, помедли, однако недолго:
От промедленья любовь в любящем станет острее.

475 А отвечая юнцу, не спеши уступать, соглашаясь,
Но не спеши и давать сразу отказ наотрез.
Страх внуши и надежду внуши, и при каждой отсрочке
Пусть в нем надежда растет и убавляется страх.
Каждое слово твое пусть будет изящно без вычур —

480 Неизощренная речь больший имеет успех.
Часто бывало, робевшая страсть от письма оживала,—
Часто неловкий язык ловкой мешал красоте.
Так как, кроме того, и у вас, незамужние жены,
Часто бывает нужда строгий надзор обмануть,—

485 Пусть у вас будет для писем надежный слуга иль служанка —
Неискушенным рабам не доверяйте любовь!
Мне приходилось видеть, как из страха, что выдадут слуги,
Долго-предолго несли женщины рабский удел.
Письма, залог любви, если их сохранит вероломный,

490 Могут грозить и разить, словно этнейский перун¹¹⁶.
Так почему бы в ответ на обман не прибегнуть к обману,
Если дано от меча нам защищаться мечом?

Пусть наострится рука менять по желанию почерк
(Сгнуть бы тем, кто довел нас до советов таких!),

495 Пусть для ответа сперва расчистится воск на табличках,
Чтоб из-под вашей строки не было видно чужой;
А о любовнике надо писать, как о женщине пишут,
Чтобы казалось, что он — вовсе не он, а она.

Если от малых забот перейти к делам поважнее,

500 Если продолжить наш путь, круче раздув паруса,
То постарайтесь о том, чтоб смотрели приветливей лица —
Кротость людям к лицу, гнев подобает зверям.

В гневе вспухают уста, темной кровью вздуваются жилы,
Яростней взоры блестят огненных взоров Горгон.

505 Видя Паллада в воде лицо свое, дувшее в дудку¹¹⁷,
«Прочь! — воскликнула. — Прочь! Слишком цена дорога!»
Точно так же и вы глядитесь-ка в зеркало в гневе,

¹¹⁶ Этнейский перун — по культу Зевса при Этне в Сицилии.

¹¹⁷ Паллада изобрела флейту (античная флейта имела вид гобоя), но отбросила ее, увидев, как раздутые щеки искажают лицо.

И убедитесь, что вам в гневе себя не узнать.
Пагубно в женском лице и надменное высокомерье —
510 Скромно и нежно смотри, в этом — приманка любви.
Верьте моим словам: горделивая спесь раздражает,
Вечно молчащим лицом сея к себе неприязнь.
Взглядом на взгляд отвечай, улыбайся в ответ на улыбку,
Ежели кто-то кивнет — не поленись и кивнуть.
515 Это разминка Амура: на этом испробовав силы,
Он наконец с тетивы острую спустит стрелу.
Нехорошо и грустить. Оставим Текмессу Аянту¹¹⁸ —
Нас, веселых юнцов, светлые лица влекут.
Ни, Андромаха, с тобой, ни с тобою, Текмесса, не мог бы
520 Я говорить о любви, выбрав в подруги тебя:
Знаю, что вы рожали детей, — но трудно поверить,
Будто с мужьями и вы ложе умели делить.
Разве могла погруженная в скорбь Текмесса Аянту
«Радость моя!» — лепетать и остальные слова?

525 Но почему бы не взять для сравнения дела поважнее?
Женщин не должен страшить военачальственный долг.
Долг этот в том, чтоб иным доверять отряды пехоты,
Этим — конную рать, этим — охрану знамен;
Точно так же и вы присмотритесь, к чему кто пригоден,
530 Каждому в нашей толпе место умейте найти.
Дорог подарком богач, советом — сведущий в праве,
Красноречивый — тебе будет полезен в суде;
Мы же, песен творцы, не сулим ничего, кроме песен,
Но и за песни свои все мы достойны любви.
535 Славу вашей красы мы разносим по целому свету:
Кинфия нами славна и Немесида славна,
И от восточных до западных стран гремит Ликорида,
И о Коринне моей люди пытаются людей¹¹⁹.
Мало того: святые певцы не знают коварства, —
540 Песни творят певцов по своему образцу;
Ни честолюбие нас не гнетет, ни жажда корысти —
Тайное ложе для нас площади людной милей.
Все мы рвемся к любви, всех жжет любовное пламя,
Все мы в страсти верны, даже чрезмерно верны;
545 В каждом природный дар умягчается нежной наукой,
И развивается нрав нашему рвению вслед.
Девы! Будьте к певцам аонийским всегда благосклонны:
Сила высокая в нас, с нами любовь Пиэрид,
Бог обитает в душе, нам открыты небесные тропы,
550 И от эфирных высот к нам вдохновенье летит.
Грех от ученых певцов ожидать приносимых подарков, —
Только из женщин никто в этом не видит греха.
Что ж! Хоть умейте тогда притвориться для первого раза,
Чтобы от хищных силков не отшатнулся ваш друг.
555 Но как наездник коню-новичку и коню-ветерану
Разным движеньем руки будет давать повода, —
Так и тебе для зеленых юнцов и для опытных взрослых,
Чтоб удержать их любовь, разные средства нужны.
Юноша, в первый раз представший на службу Амура,
560 Свежей добычей попав в опочивальню твою,
Должен знать тебя лишь одну, при тебе неотлучно, —

¹¹⁸ Текмесса — пленная наложница Аянта.

¹¹⁹ Кинфию воспел в стихах Проперций, Немесиду — Тибулл, Ликориду — Корнелий Галл, Коринну — сам Овидий.

Этим любовным плодам нужен высокий забор.
Ты победишь, если будешь одна, избежавши соперниц:
Знать не хотят дележей царская власть и любовь!
565 Старый боец не таков — любить он умеет разумно,
Многое может снести, что не снесет новичок;
В двери ломиться не будет, пожаром грозиться не будет.
Ногти в лицо не вонзят нежной своей госпоже,
Ни на себе, ни на ней не станет терзать он рубашку,
570 В кудри не вцепится ей так, чтобы слезы из глаз,—
Это мальчишкам под стать да юнцам, воспаленным любовью:
Опытный воин привык молча удары терпеть.
Медленно жжет его страсть — так горит увлажненное сено
Или в нагорном лесу только что срубленный ствол.
575 В этом прочнее любовь, а в том сильнее и щедрее,—
Падают быстро плоды, рви их проворной рукой!

Крепость открыта врагу, ворота распахнуты настезь —
Я в вероломстве моем верен себе до конца!
Помните: всё, что дается легко, то мило недолго,—
580 Изредка между забав нужен и ловкий отказ.
Пусть он лежит у порога, кляня жестокие двери,
Пусть расточает мольбы, пусть не жалеет угроз —
Может корабль утонуть и в порыве попутного ветра,
Многая сладость претит — горечью вкус оживи!
585 Вот потому-то мужьям законные жены постылы:
Слишком легко обладать теми, кто рядом всегда.
Пусть перед мужем закроется дверь, и объявит привратник:
«Нет тебе входу!» — и вновь он покорится любви.
Стало быть, прочь тупые мечи, и острыми бейтесь,
590 Хоть я и первый приму раны от собственных стрел!
Первое время любовник пускай наслаждается мыслью,
Что для него одного спальня открыта твоя;
Но, подождав, ты дай ему знать, что есть и соперник:
Если не сделаешь так — быстро увянет любовь.
595 Мчится быстрее скакун, едва отворится решетка,
Видя, скольких других нужно, догнав, обогнать.
Даже угасшая страсть оживает, почуяв обиду:
Знаю я по себе, нет без обиды любви.
Впрочем, повод для мук не должен быть слишком заметным:
600 Меньше узнав, человек больше питает тревог.
Можно придумать, что друг ревниво тебя опекает,
Или что сумрачный раб строго тебя сторожит;
Там, где опасности нет, всегда наслаждение ленивей:
Будь ты Лаисы вольней, а притворись, что в плену.
605 Дверь запири на замок, а любовник пусть лезет в окошко;
Встретить его, трепетный страх изобразив на лице;
Умной служанке вели вбежать и вскричать: «Мы погибли!»,
Чтобы любовник, дрожа, прятался где ни пришлось.
Все же совсем его не лишай безопасной отрады,
610 Чтоб не казалось ему: слишком цена дорога.

Как обмануть недоброго мужа и зоркого стража,—
Надо ли мне отвечать вам и на этот вопрос?
Пусть охраны такой боятся законные жены:
Это обычай велит, Цезарь, законы и стыд.
615 Ну, а тебя, что только на днях получила свободу,
Кто же запрет под замок? С богом, обману учись!
Сколько у Аргуса глаз, столько будь сторожей над тобою,—
Всех без труда обойдешь хитростью, только решишь!
Как, например, он тебе помешает писать твои письма?
620 Ты, умываясь, одна,— в этот свой час и пиши.
А соучастница это письмо под широкой повязкой

Спрячет на теплой груди, и пронесет, и отдаст,
 Или подложит его под ремень, обвивающий ногу,
 Или под самой пятой в обуви скроет листок;
625 Если же враг начеку, то спина заменит бумагу,
 И пронесет она весть прямо на коже своей.
 Можно писать молоком, и листок покажется белым,
 А лишь посыпешь золой — выступят буквы на нем;
 Можно писать острием льняного сочного стебля —
630 И на табличке твоей тайный останется след.
 Как ни старался замкнуть на замок Акрисий Данаю —
 Грех совершился, и стал дедом суровый отец.
 Так неужели теперь ревнивец удержит подругу,
 Если театры кипят, если пленяют бега,
635 Если желает она послушать Исидины сестры
 И, несмотря на запрет, ходит сюда и туда,
 Если от взглядов мужчин идет она к Доброй Богине,
 Чтоб от немилых уйти, а кого надо — найти,
 Если, покуда приставленный раб сторожит ее платье,
640 В дальней купальне ее тайные радости ждут,
 Если умеет она, коли надо, сказаться больною,
 Чтобы на ложе своем полной хозяйкою быть,
 Если недаром отмычка у нас называется «сводней»,
 Если, кроме дверей, есть и иные пути?
645 Бдительный Аргус легко задремлет под бременем Вакха,
 Даже если вино — из иберийской лозы¹²⁰;
 Есть и особые средства к тому, чтобы вызвать дремоту
 И навести на глаза оцепеняющий сон;
 Да и служанка твоя отвлечет ненавистного стража,
650 Если поманит к себе, и поманежит, и даст.
 Но для чего рассуждать о таких хитроумных уловках,
 Там, где любых сторожей можно подарком купить?
 Верь: и людей и богов подкупает хороший подарок,
 Даже Юпитер — и тот не отвергает даров.
655 Будь ты мудрец или будь ты простец, а подарок приятен,
 И, получив, что дано, Аргус останется нем.
 Но постарайся о том, чтоб купить его разом надолго:
 Тот, кто раз получил, рад и другой получить.
 Помнится, я говорил, что друзьям доверяться опасно,—
660 Что ж, как друг твой друзей, ты опасайся подруг.
 Если доверишься им — они перехватят добычу,
 И не тебе, а другим выпадет радость твоя.
 Та, что тебе для любви уступает и дом свой и ложе,
 Знай, не раз и не два их разделяла со мной.
665 Да и служанка твоя не слишком должна быть красива:
 Часто рабыня со мной вместо хозяйки спала.
 Ах, куда я несусь? Зачем с открытою грудью,
 Сам обличая себя, мчусь я на копья врагов?
 Птица птичьей беде не станет учить птицелова,
670 Лань не учит гоньбе лютую стаю собак.
 Пользе своей вопреки, продолжу я то, что я начал,
 Женам лемносским точка меч на себя самого.
 Сделайте так, чтобы вашей любви поверил влюбленный!
 Это нетрудно ничуть: рады мы верить мечте.
675 Нежно взглянуть да протяжно вздохнуть, увидевши друга,
 «Милый, — сказать, — почему ты всё не шел и не шел?»
 Брызнуть горячей слезой, притворною ревностью вспыхнуть,
 Ногтем изранить лицо, — много ли надо еще?
 Вот он и верит тебе, вот и сам тебя первый жалеет,
680 Вот он и думает: «Ах, как она рвется ко мне!»

¹²⁰ Иберийское (испанское) вино считалось третьесортным.

Если притом он одет хорошо и следит за собою,—
 Как не поверить, что он влюбит в себя и богинь!
 Ты же, наоборот, не терзайся напрасной обидой,
 Не выходи из себя, слыша: «Соперница есть».
685 Верить не торопись: как пагубна быстрая вера,
 Этому горький пример — милой Прокриды судьба.
 Есть невдали от Гиметтских холмов, цветущих багрянцем,
 Ключ, посвященный богам; мягкая зелень вокруг,
 Роща сплела невысокий навес, блестит земляничник,
690 Дышат лавр, розмарин и темнолиственный мирт;
 Хрупкий растет тамариск и букс под густою листвою,
 Скромный раkitник растет или лесная сосна;
 Нежно веет Зефир дуновеньем целительно свежим,
 И пробегает волной трепет в листве и в траве.
695 Здесь — Кефала приют. Один, без собак и без ловчих,
 Часто усталый сидит здесь на зеленой земле,
 Часто, взывая, поет: «Приди к томимому жаром,
 Ах, прилети и на грудь, легкая, ляг мне, струя!»
 Кто-то подслушал такие слова, не к добру их запомнил
700 И поспешил передать робкому слуху жены.
 В слове «струя» угадав коварной соперницы имя,
 Пала Прокрида без чувств, скорбные смолкли уста,
 Стала бледна, как бывают бледны запоздалые листья
 На опустелой лозе при наступленье зимы,
705 Иль как айвовый плод, уже нагибающий ветви,
 Или незрелый кизил, кислый еще на язык.
 А как очнулась она — стала рвать на груди покрывало,
 Стала ногтями терзать нежные щеки свои;
 И, разметав волоса по плечам, как под Вакховым тирсом,
710 Буйная, мчится она, не разбирая дорог.
 Роща близка; оставив друзей в недалекой лощине,
 Тихой Прокрида стопой входит в дубравную сень.
 Ах, Прокрида, Прокрида, зачем неразумно таиться?
 Что за палящий огонь в бьющемся сердце горит?
715 Ты ожидала увидеть струю, не зная, какую,
 Ты ожидала застичь мужа в позорящий миг;
 Хочешь узнать и рада не знать, то вперед ты стремишься,
 То порываешься вспять: к разному клонит любовь.
 Как ей не верить, коль названо место и названо имя?
720 В то, что пугает, душа верить готова всегда.
 Вот она видит следы на траве от лежащего тела,
 Сердце неровно стучит, трепетно зыблется грудь,—
 А между тем уже солнце в пути от востока к закату
 Стало на верхний предел, коротко тени лежат.
725 Вот и Кефал, Киллениев сын¹²¹, возвращается в рощу,
 В жаркое плещет лицо хладом воды ключевой;
 Ты замираешь, Прокрида, а он, на траве простираясь,
 Молвит: «Повей мне, повей, свежего ветра струя!»
 Бедной Прокриде ясна причина счастливой ошибки,
730 Вновь она в чувство пришла, порозовела лицом,
 Встала и вот, колебля листву на пути торопливом,
 Радостно рвется жена к мужу в объятия пасть.
 Мнится Кефалу в кустах движение дикого зверя,
 Быстро хватает он лук, стрелы блеснули в руке.
735 Спрячь, несчастный, стрелу! Что ты делаешь? Это не хищник! —
 Горе! Пронзает стрела тело Прокриды твоей.
 «Ах! — восклицает она.— Сразил ты влюбленное сердце,
 Сердце, в котором давно точится рана твоя.
 Я молодую умру, но счастливой, не зная соперниц,

¹²¹ Киллений — Меркурий, рожденный на горе Киллене в Аркадии.

740 И оттого надо мной легкою будет земля.
Вздых мой смешав со струей, о которой уже не волнуясь,
Я умираю; закрой веки мне милой рукой!»
Сжал в объятиях Кефал помертвевшее тело супруги
И омывает слезой рану на нежной груди.
745 Смерть подступает, и вздох, скользкий из уст неразумной,
Принял устами, любя, скорбно склонившийся муж.
Полно, за дело! Без всяких прикрас довершу я, что начал,

К ближним ведя берегам путь утомленной ладьи.
Нетерпеливо ты ждешь попасть на пиры и в застолья,
750 Хочешь узнать от меня и для застолий совет?
Слушай! Заставь себя ждать: ожидание — лучшая сводня;
Вам промедленье к лицу — дай загореться огням!
Будь ты красива собой или нет, а станешь красива,
Скравши ночной темнотой всякий досадный изъян.
755 В кончики пальцев кусочки бери, чтоб изящнее кушать¹²²,
И неопрятной рукой не утирай себе губ.
Не объедайся ни здесь, на пиру, ни заранее, дома:
Вовремя встань от еды, меньше, чем хочется, съев.
Если бы жадно взялась за еду при Парисе Елена,
760 Он бы, поморщась, сказал: «Глупо ее похищать!»
Меньше есть, больше пить — для женщин гораздо пристойней:
Вахк и Венерин сынок издавна в дружбе живут.
Только и тут следи за собой, чтобы нога не дрожала,
Ясной была голова и не двоилось в глазах.
765 Женщине стыдно лежать, одурманенной влажным Лизем,—
Пусть бы такую ее первый попавшийся взял!
Небезопасно и сном забываться на пиршестве пьяном —
Можно во сне претерпеть много срамящих обид.

Стыд мне мешал продолжать; но так возвестила Диона:
770 «Где начинается стыд, там же и царство мое».
Женщины, знайте себя! И не всякая поза годится —
Позу сумеете найти телосложению под стать.
Та, что лицом хороша, ложись, раскинувшись навзничь;
Та, что красива спиной, спину подставь напоказ.
775 Миланионовых плеч Аталанта касалась ногами¹²³ —
Вы, чьи ноги стройны, можете брать с них пример.
Всадницей быть — невеличке к лицу, а рослой — нисколько:
Гектор не был конем для Андромахи своей.
Если приятно для глаз очертание плавного бока —
780 Встань на колени в постель и запрокинься лицом.
Если мальчишески бедра легки и грудь безупречна —
Ляг на постель поперек, друга поставь над собой.
Кудри разбрось вокруг головы, как филлейская мать¹²⁴,
Вскинься, стыд позабудь, дай им упасть на лицо.
785 Если легли у тебя на живот морщины Луцины —
Бейся, как парфский стрелок, вспять обращая коня.
Тысяча есть у Венеры забав; но легче и проще,
Выгнувшись, полулежать телом на правом боку.
Истинно так! И ни Феб, над пифийским треножником вея,
790 Ни рогоносный Аммон вас не научит верней!¹²⁵

¹²² За обедами ели руками; пища подавалась к столу, нарезанная на мелкие кусочки.

¹²³ Аталанта — охотница славилась быстротой бега, а стало быть, и красотой ног.

¹²⁴ Филлейская мать — не вполне понятное обозначение вакханки.

Ежели вера жива меж людей, то верьте науке:
Долгого опыта плод, песня Камены не лжет.
Пусть до мозга костей разымающий трепет Венеры
Женское тело пронзит и отзовется в мужском;
795 Пусть не смолкают ни сладостный стон, ни ласкающий ропот:
Нежным и грубым словам — равное место в любви.
Даже если тебе в сладострастном отказано чувстве —
Стоном своим обмани, мнимую вырази сласть.
Ах, как жаль мне, как жаль, у кого нечувствительно к неге
800 То, что на радость дано и для мужчин и для жен!
Но и в обмане своем себя постарайся не выдать —
Пусть об отраде твердят и содроганье, и взор,
И вылетающий вздох, и лепет, свидетель о счастье,—
У наслаждения есть тайных немало примет.
805 После таких Венериных нег просить о подарке —
Значит себя же лишать прав на подарок такой.
В опочивальне твоей да будут прикрытыми ставни —
Ведь на неполном свете женское тело милей.

Кончено время забав — пора сойти с колесницы,
810 На лебединых крылах долгий проделавшей путь¹²⁶.
Пусть же юношам вслед напишут и нежные жены
На приношеньях любви: «Был нам наставник Назон»!

125 Аммон — оракул Зевса Аммона в Ливийской пустыне.

126 ...на лебединых крылах... — Лебеди были посвящены Венере.